Рождество под кипарисами

Автор:
Лейла Слимани

Рождество под кипарисами

Лейла Слимани

Страна других #1

После шумного успеха романа «Идеальная няня» молодая французская писательница марокканского происхождения Лейла Слимани, лауреат Гонкуровской премии, взялась за грандиозную эпопею – семейную сагу в трех томах под названием «Страна других», основанную на реальных событиях.

«Рождество под кипарисами» – первая книга этой трилогии. Действие разворачивается после Второй мировой войны. Двадцатилетняя Матильда, француженка из Эльзаса, без памяти влюбилась в офицера колониальных войск, участвовавших в освобождении Франции в 1944 году. Ни минуты не раздумывая, она вышла за него замуж и отправилась жить с ним в Марокко. Возникшее вскоре по прибытии острое желание вернуться на родину ей приходится подавить: беременная, без гроша в кармане, она оказывается заложницей своего подчиненного положения в стране, где жизнь женщины ограничена жесткими правилами ислама. К тому же в Марокко неспокойно, теракты националистов следуют один за другим. Однако Матильда не из тех, кто сдается. Несмотря на разочарования, бедность и унижения, она отчаянно борется за свою семью и свою любовь. Книга принесла Лейле Слимани Гран-при журнала «Мадам Фигаро» за лучший женский персонаж.

В формате PDF A4 сохранён издательский дизайн.

Лейла Слимани

Страна других. Книга первая. Рождество под кипарисами

© Editions Gallimard, 2020

© Е. Тарусина, перевод на русский язык, 2022

© А. Бондаренко, художественное оформление, макет, 2022

© ООО «Издательство Аст», 2022

Издательство CORPUS ®

18+

* * *

Памяти Анны и Атики, чья свобода служит

для меня неиссякаемым источником вдохновения

Моей нежно любимой матери

* * *

Метисы – это слово звучит как проклятие, напишем его крупно, во всю страницу.

Эдуар Глиссан

Поэтический замысел

* * *

Юность Матильды пришлась на Вторую мировую. Без памяти влюбившись в офицера колониальных войск, она, не раздумывая, вышла за него замуж и отправилась за ним из Франции в Марокко, где жизнь женщины подчинена жестким правилам. Несмотря на разочарования, бедность и унижения, она отчаянно борется за свою дюбовь. «Рождество под кипарисами» – первая книга трехтомной семейной эпопеи «Страна других» знаменитой Лейлы Слимани. Гран-при журнала «Мадам Фигаро».

* * *

Выпустив два романа, Лейла Слимани очень быстро стала литературной звездой. Ее переводят на все языки, обожают в англосаксонских старнах. Можно не сомневаться, что «Рождество под кипарисами», первая книга ее трилогии о Марокко, поднимет молодую писательницу на следующую ступень славы, на уровень Джонатана Франзена или Элены Ферранте.

Les Inrockuptibles

Этот роман в каком-то смысле классический: рассказ ведется от третьего лица, языком понятным каждому, с четко выверенным чередованием описаний, портретов, диалогов. И отлично работает! Лейла Слимани великолепно доказывает, что из старого можно создать новое, когда есть талант!

France Culture

В основе сюжета – судьба деда и бабушки писательницы. Это волнующая история с непростыми персонажами, мечтающими о простой жизни.

Сдержанный стиль с терпким привкусом опасности и грусти буквально завораживает.

Les Echos

Часть I

«Как далеко!» – подумала Матильда, впервые приехав на ферму. Ее тревожило, что придется жить на отшибе. В то время, в 1947 году, они еще не обзавелись машиной и двадцать пять километров от Мекнеса вынуждены были трястись в старой повозке какого-то цыгана. Амин не обращал внимания на то, что деревянное сиденье ужасно неудобное, что жена задыхается от кашля, глотая пыль. Он жадно всматривался в пейзаж по обе стороны дороги и, сгорая от нетерпения, ждал, когда же они наконец доберутся до участка, унаследованного им от отца.

Много лет прослужив переводчиком в колониальной армии, в 1935 году Кадур Бельхадж купил пару сотен гектаров каменистой земли. Он поведал сыну свою мечту: превратить это владение в процветающее сельскохозяйственное предприятие, чтобы оно кормило не одно поколение семейства Бельхадж. Амин вспоминал взгляд отца, когда тот твердым голосом излагал планы создания фермы. Несколько десятков арпанов нужно будет отвести под виноградники, втолковывал он сыну, остальные площади засеять зерновыми. Дом надо построить на холме, на самом солнечном месте, вокруг разбить фруктовый сад, высадить несколько рядов миндальных деревьев. Кадур гордился тем, что эта земля принадлежит ему. «Наша земля!» – он произносил эти слова не так, как националисты или поселенцы-колонисты, взывающие к патриотизму и высоким идеалам, а как хозяин – счастливый и полноправный обладатель собственности. Старый Бельхадж мечтал, чтобы его похоронили в этой земле, чтобы в ней упокоились его дети, чтобы она его кормила и дала ему последний приют. Но он умер в 1939 году, когда его сын поступил на службу в полк спаги, с гордостью облачившись в бурнус и брюки-саруэл. Амин, старший сын и отныне глава семьи, уходя на фронт, сдал свою землю в аренду одному французу из Алжира.

Когда Матильда спросила, от чего умер ее свекор, которого она не знала, Амин положил руку на живот и молча покачал головой. Позже Матильде стало

известно, что случилось с Кадуром Бельхаджем на самом деле. Он остался жив в сражении под Верденом, но с той поры страдал от хронических болей в желудке, и никакие лекари – ни марокканцы, ни французы – так и не сумели ему помочь. И вот Кадур, считавший себя человеком здравомыслящим, гордившийся своей образованностью и способностями к иностранным языкам, совершенно отчаявшись и сгорая от стыда, отправился к знахарке-шуафе, принимавшей посетителей в подвале. Ведунья принялась убеждать его в том, что все дело в порче, кто-то затаил на него великое зло, и этот враг, наславший на него мучительный недуг, очень опасен. Она дала Кадуру сложенный вчетверо листок бумаги, насыпав туда желтый порошок шафрана. В тот же вечер он выпил снадобье, разведя его водой, и спустя несколько часов умер в ужасных мучениях. Члены семьи не любили об этом вспоминать. Им было стыдно, что отец проявил такую наивность и скончался при таких неприглядных обстоятельствах: почтенный офицер обделался во внутреннем дворике собственного дома, измарав жидкими фекалиями белоснежную джеллабу.

В тот апрельский день 1947 года Амин, улыбнувшись Матильде, стал поторапливать возницу, который тер одну о другую грязные босые ступни. Мужчина так сильно стегнул мула, что Матильда вздрогнула. Ее возмутила жестокость цыгана. Он звучно цокал языком и то и дело хлопал кнутом по тощей, с выпирающим хребтом спине несчастной животины. Стояла весна, Матильда была на третьем месяце беременности. В полях густо цвели оранжевые ноготки, розовые мальвы, ярко-синяя огуречная трава. Свежий ветер раскачивал стебли подсолнечника. По обе стороны дороги раскинулись владения французских поселенцев, обосновавшихся здесь лет двадцать-тридцать назад: их земли располагались на пологих склонах и тянулись до самого горизонта. Большинство приехали сюда из Алжира, и местные власти выделили им самые лучшие и обширные участки. Амин вытянул вперед руку, другой, как козырьком, прикрыл глаза от полуденного солнца и стал всматриваться в открывшийся его взору бескрайний простор. Он указал жене пальцем на ровный ряд кипарисов, который опоясывал поместье Роже Мариани, сколотившего состояние на виноделии и свиноводстве. Ни хозяйского дома, ни больших виноградников с дороги было не разглядеть. Однако Матильде не составило труда представить себе, какими богатствами обладал этот землевладелец, и это преисполнило ее радужных надежд на собственное будущее. Безмятежная прелесть пейзажа напомнила ей гравюру, висевшую на стене над пианино в доме ее учителя музыки в Мюлузе. Она вспомнила, как он ей сказал:

– Мадемуазель, это Тоскана. Возможно, однажды вы побываете в Италии.

Мул остановился и стал щипать травку, росшую на обочине. Он не выказывал ни малейшего желания взбираться на крутой склон, куда вела дорога, тем более что она была покрыта крупными белыми камнями. Возница пришел в ярость и принялся осыпать животное проклятьями и ударами. Матильда почувствовала, как ее глаза наполняются слезами. Попыталась взять себя в руки и прижалась к мужу, но ему такая нежность показалась неуместной.

– Что с тобой? – спросил Амин.

– Скажи ему, чтобы перестал бить этого несчастного мула.

Матильда положила руку на плечо цыгана и посмотрела на него, словно ребенок, который пытается умилостивить разбушевавшегося отца. Но возница от этого озверел еще больше. Сплюнул на землю, поднял руку и прорычал: «Тебе что, тоже кнута захотелось?»

Настроение у всех испортилось, да и пейзаж стал безрадостным. Они очутились на вершине холма с осыпями на склонах. Ни цветов, ни кипарисов, лишь несколько оливковых деревьев, чудом выживших на каменистой почве. Казалось, этот холм – бесплодная пустыня. Мы уже не в Тоскане, скорее на Диком Западе, подумала Матильда. Они сошли с повозки и направились к маленькому и невзрачному белому дому с уродливой жестяной кровлей. Это был даже не дом, а несколько кое-как пристроенных одно к другому темных сырых помещений. Из единственного оконца, расположенного высоко, под самым потолком, дабы внутрь не могли попасть вредоносные твари, лился скудный свет. Матильда заметила на стенах широкие зеленоватые разводы – следы недавних дождей. Бывший арендатор жил один; его жена вернулась домой, в Ним, после того как потеряла ребенка, а ему в голову не приходило придать этому жилищу вид гостеприимного дома, где может поселиться семья. Хотя в воздухе разливалось тепло, Матильда продрогла до костей. Планы, которым поделился с ней Амин, очень ее тревожили.

* * *

Ей уже однажды довелось испытывать такую тревогу – в Рабате, первого марта 1946 года. Хотя небо было ослепительно-синим, а ее переполняла радость оттого, что она снова видит мужа и ей удалось перехитрить судьбу, ее охватил страх. Она провела в пути двое суток. Сначала добралась из Страсбурга до

Парижа, потом – из Парижа в Марсель, из Марселя в Алжир, где поднялась на борт старенького «юнкерса», не чая дожить до конца рейса. Она сидела на неудобной скамейке среди переживших войну мужчин с усталыми глазами и с трудом сдерживалась, чтобы не закричать. Во время перелета она плакала, молилась, ее рвало. Горечь желчи смешалась у нее во рту с соленым вкусом слез. Ее угнетало не то, что она может погибнуть где-нибудь над Африкой, а то, что в аэропорту, где ее ждет самый дорогой в мире человек, ей придется показаться в мятом, испачканном рвотой платье. В итоге она все-таки приземлилась, живая и невредимая, и Амин ждал ее, еще более красивый, чем раньше, под небом такого яркого голубого цвета, что казалось, его только что тщательно промыли чистейшей водой. Муж расцеловал ее в обе щеки, украдкой ловя взгляды других пассажиров. Потом страстно и предостерегающе сжал ее правый локоть. Видимо, хотел ее контролировать.

Они сели в такси, и Матильда прижалась к Амину, наконец почувствовав, как он напрягся от желания, как изголодался по ней.

– Сегодня мы переночуем в гостинице, – произнес он, обращаясь к водителю, и, словно желая продемонстрировать свою нравственность, добавил: – Это моя жена. Мы только что встретились после разлуки.

Рабат, маленький белый, залитый солнцем городок, поразил Матильду изысканной красотой. Она с восторгом любовалась фасадами центральных зданий в стиле ар-деко и, прижав нос к стеклу, старалась получше рассмотреть гулявших по бульвару Маршала Лиоте красивых дам в тщательно подобранных по цвету перчатках, туфлях и шляпках. Повсюду кипела работа, строились новые здания, перед ними в поисках работы толпились мужчины в лохмотьях. Вдалеке чинно шествовали монахини, рядом с ними – две крестьянки, тащившие на спине вязанки хвороста. Малышка с короткой мальчишеской стрижкой хохотала, глядя на ослика, которого волок на поводу чернокожий мужчина. Впервые в жизни Матильда дышала соленым воздухом Атлантики. Свет дня потускнел, стал розоватым, бархатистым. Ей захотелось спать, она уже почти склонила голову на плечо мужа, когда тот сообщил, что они приехали.

Двое суток они не выходили из номера. Матильда, хотя ее очень интересовали люди на улицах и то, что происходило снаружи, наотрез отказалась открывать ставни. Ей не надоедали ни руки Амина, ни его губы, ни запах кожи, пропитанной, как она теперь понимала, воздухом этой земли. То, что он делал с ней, было похоже на колдовство, и она умоляла его оставаться внутри нее как

можно дольше, даже если они засыпали или просто разговаривали.

Мать говорила, что напоминанием о нашей животной природе служат нам страдания и стыд. Однако никто не рассказывал Матильде о наслаждении. Во время войны печальными, унылыми вечерами, поднявшись в свою стылую спальню, Матильда удовлетворяла себя сама. Заслышав сигнал воздушной тревоги, возвещавший о бомбежке, и рев приближающихся самолетов, Матильда поднималась к себе, но не для того, чтобы укрыться от налета, а чтобы утолить желание. Всякий раз, как ей становилось страшно, она мчалась к себе в комнату, и хотя дверь туда не запиралась, ей было наплевать, что кто-нибудь может застать ее врасплох. Остальные предпочитали забиться всем скопом в какую-нибудь яму или в погреб, они хотели умереть вместе, как животные. А она, развалившись на кровати, удовлетворяла себя, и это был единственный способ умерить страх, взять его под контроль, одолеть ужас войны. Лежа в постели на несвежих простынях, она думала о мужчинах, которые с винтовками наперевес бредут по равнинам, о мужчинах, лишенных женщин, как она была лишена мужчины. И когда она трогала свой клитор, ей представлялось безбрежное неутоленное желание, жажда любви и обладания, охватившая всю планету. Эта вселенская похоть приводила ее в состояние экстаза. Она откидывала голову и, закатив глаза, воображала, как целые легионы мужчин приближаются к ней, овладевают ею, потом благодарят. Для нее страх и удовольствие были неразделимы, и в момент опасности она первым делом думала о наслаждении.

Прошло два дня и две ночи, прежде чем Амин, умиравший от жажды и голода, почти силком вытащил Матильду из кровати, заставил спуститься на террасу отеля и сесть за столик. Но и там, разгорячившись от вина, она принялась мечтать о том, как Амин вернется туда, где ему следует находиться – у нее между ног, – и наполнит ее удовольствием. Однако лицо мужа посерьезнело. Он руками отломил половину курицы и быстро ее уничтожил, потом завел разговор о будущем. Амин не пошел с ней в номер, ему не понравилось ее предложение отдохнуть в кровати после обеда. Несколько раз он выходил звонить по телефону. Когда она спрашивала его, кому он звонит и скоро ли они уедут из Рабата и из этой гостиницы, он отвечал уклончиво.

– Все будет хорошо, очень хорошо, – говорил он. – Я все устрою.

Прошла неделя, и однажды, после того как Матильда весь день просидела одна, он вошел в номер, сердитый, раздосадованный. Матильда осыпала его ласками, села к нему на колени. Он едва пригубил пиво, которое она ему налила, и

сказал:

– Плохая новость. Пока что мы не можем переехать в наш дом, придется несколько месяцев подождать. Я говорил с арендатором: он отказывается освобождать ферму до окончания срока договора. Я попытался найти квартиру в Мекнесе, но там пока еще слишком много беженцев, и совершенно невозможно снять жилье по приемлемой цене.

Матильда растерянно спросила:

– И что же нам теперь делать?

– Поживем пока что у моей матери.

Матильда вскочила и расхохоталась:

– Ты шутишь?

Эта ситуация, видимо, показалась ей нелепой и смешной. Разве такой мужчина, как Амин, мужчина, способный всецело обладать ею, как сегодня ночью, может толковать о том, что им придется пожить у его матери?

Амину ее веселье явно пришлось не по вкусу. Он остался сидеть, чтобы не испытывать унижения из-за разницы в росте с женой. И, сосредоточенно рассматривая мозаичный пол, ледяным тоном произнес:

– Здесь так принято.

Сколько раз потом ей приходилось слышать эти слова! Но именно в тот момент Матильда поняла, что она иностранка, женщина, супруга, существо, целиком зависящее от воли других. Теперь Амин был на своей территории, он растолковывал ей правила, указывал, как себя вести, обозначал границы дозволенного, объяснял, что прилично, а что нет. В Эльзасе, в годы войны, он был иностранцем, который ненадолго попал на чужую территорию, и старался держаться незаметно. Встретив его осенью 1944 года, она стала ему проводником и защитницей. Полк Амина размещался в нескольких километрах от Мюлуза и со дня на день ожидал приказа об отправке на восток. Среди

девушек, окруживших джип в день их прибытия, Матильда была самой высокой. У нее были широкие плечи и мускулистые мальчишечьи икры. Зеленые глаза цветом напоминали ключевую воду в Мекнесе, и она неотрывно смотрела на него. Всю ту долгую неделю, что они провели в ее деревне, она ходила с ним гулять, познакомила со своими друзьями, научила играть в карты. Он был по меньшей мере на голову ниже ее и немыслимо, неправдоподобно темнокожим. И таким красивым, что Матильда постоянно боялась, что его у нее отобьют. Боялась, что все это ей только чудится. Никогда прежде она ничего подобного не испытывала. Ни в четырнадцать лет с учителем музыки, преподававшим ей игру на фортепьяно. Ни с двоюродным братом, который шарил рукой у нее под платьем и воровал для нее вишни на берегу Рейна. Однако, приехав сюда, на родину Амина, она почувствовала себя так, будто ее обобрали до нитки.

* * *

Спустя три дня они сели в кабину грузовика, водитель которого согласился довезти их до Мекнеса. От шофера воняло, дорога была вся разбита, Матильда чувствовала себя скверно. Они дважды останавливались у обочины, потому что ее сильно тошнило. Бледная, обессилевшая, пристально вглядываясь в пейзаж за стеклом, в котором не находила ни души, ни очарования, Матильда погрузилась в беспросветную тоску. «Хоть бы эта страна не ополчилась на меня! Станет ли этот мир когда-нибудь мне привычным?» Когда они приехали в Мекнес, было уже темно, и по ветровому стеклу грузовика стучал частый холодный дождь.

– Слишком поздно, чтобы знакомить тебя с моей матерью, – заявил Амин. – Переночуем в гостинице.

Мекнес показался ей мрачным и негостеприимным. Амин рассказал Матильде, что план города был разработан в соответствии с распоряжениями маршала Лиоте, в первые годы протектората. Он предполагал строгое разграничение медины – старого поселения с древними обычаями, которые следовало сохранить, – и европейского города, призванного стать центром современной жизни, где улицам надлежало дать названия французских городов. Водитель грузовика высадил их в низине, на левом берегу уэда Буфакран, у входа в арабскую часть города. Там, в квартале Беррима, прямо напротив меллы[1 - Мелла – название еврейских кварталов в марокканских городах. Меллы впервые появились в XV веке и обычно располагались поблизости от резиденций

правителей. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.)], жила семья Амина. Они взяли такси и переехали на другую сторону реки. Потом долго шли вверх по дороге, миновали несколько спортивных площадок, пересекли своего рода no man’s land, буферную зону, разделявшую город надвое, где запрещено было любое строительство. Амин показал Матильде лагерь Публан – военную базу, которая располагалась над арабским городом: оттуда велось пристальное наблюдение за мединой и за всем, что там происходит.

Они остановились в приличной гостинице, где портье скрупулезно, как настоящий бюрократ, изучил их паспорта и свидетельство о браке. На лестнице, ведущей в их номер, чуть не разгорелся скандал: мальчик-посыльный упорно пытался говорить с Амином по-арабски, в то время как тот обращался к нему по-французски. Подросток бросал на Матильду двусмысленные взгляды. Он злился на Амина за то, что тот спит с женщиной из вражеского стана и может свободно ходить, где вздумается, тогда как ему, местному жителю, приходится показывать специальную бумажку, чтобы подтвердить, что он имеет право появляться на улицах нового города в ночное время. Едва они внесли чемоданы в номер, как Амин снова надел пальто и шляпу:

– Пойду поздороваюсь с родными. Я ненадолго.

Не дав ей времени ответить, он захлопнул за собой дверь, и она услышала, как он мчится вниз по лестнице.

Матильда села на кровать, подтянув колени к груди. Что она тут делает? Ей некого в этом винить, кроме самой себя и собственного тщеславия. Она сама ввязалась в эту авантюру, сама, бравируя своей отвагой, кинулась в омут этого крайне экзотичного брака – на зависть школьным подругам. Теперь над ней в любой момент могли жестоко насмеяться, могли предать. А вдруг Амин отправился к любовнице? А вдруг он даже женат, поскольку, как сообщил ей отец, от смущения пряча глаза, здешние мужчины могут иметь несколько жен? Возможно, он играет в карты в каком-нибудь бистро в двух шагах от гостиницы, весело рассказывая приятелям, как без объяснений удрал от своей надоедливой супруги. Матильда расплакалась. Ей было стыдно, что она поддалась панике, но стояла темная ночь, а она даже не знала, где находится. Если бы Амин не вернулся, она пропала бы, оставшись одна, без гроша в кармане, без друзей. Она даже не знала названия улицы, где они остановились.

Когда Амин вернулся, она сидела в номере растрепанная, с красным, опухшим от слез лицом. Она не сразу ему открыла и вся дрожала, и он решил, что случилось что-то ужасное. Она бросилась в его объятия и попыталась поведать о своих страхах, о тоске по родине, об охватившей ее жуткой тревоге. Амин ничего не понял, и тело жены, прижавшейся к нему, вдруг показалось ему невыносимо тяжелым. Он потянул ее к кровати, и они уселись рядом. Шея Амина была мокрой от ее слез. Матильда успокоилась, ее дыхание стало ровнее, она несколько раз шмыгнула носом, и Амин протянул ей платок, который прятал в рукаве. Медленно погладил ее по спине и сказал:

– Ну что ты как маленькая! Теперь ты моя жена. Твоя жизнь здесь.

Два дня спустя они поселились в доме в квартале Беррима. Очутившись на узеньких улочках старого города, Матильда вцепилась в руку мужа: она боялась заблудиться в этом лабиринте, где куда-то спешили толпы лавочников, а торговцы овощами громко зазывали покупателей. За тяжелой, обитой массивными коваными гвоздями дверью ее ждала семья Амина. Мать, Муилала, стояла посреди внутреннего дворика. На ней был изящный шелковый кафтан, голова покрыта изумрудно-зеленым платком. По торжественному случаю она достала из кедровой шкатулки старинные золотые украшения; браслеты на щиколотках, резная брошь и ожерелье были такими массивными, что ее сухонькая фигурка под их тяжестью клонилась вперед. Когда супруги вошли в дом, она бросилась к сыну, обняла его и благословила. Она улыбнулась Матильде, та взяла ее руки в свои и заглянула в красивое темнокожее лицо, зардевшееся легким румянцем.

– Она говорит: «Добро пожаловать», – перевела Сельма, младшая сестра Амина, которой только что исполнилось девять.

Она стояла впереди Омара, худого молчаливого юноши, который держал руки за спиной и не поднимал глаз.

Матильде пришлось привыкать к этому существованию друг у друга на голове, в доме, где тюфяки кишели клопами и прочими паразитами, где невозможно было скрыться от разных телесных звуков, не слышать храпа. Ее золовка врывалась к ней в комнату без предупреждения и плюхалась к ней на постель, бормоча те несколько французских слов, что выучила в школе. Ночью Матильда слышала

крики Джалила, младшего из братьев, который жил взаперти на втором этаже и постоянно посматривал в зеркало, служившее ему единственным другом. Он непрерывно курил себси[2 - Себси – тонкая марокканская трубка для курения гашиша.], и от наполнявшего коридор запаха дури у Матильды кружилась голова.

Целыми днями орды худосочных кошек неслышно бродили по маленькому саду во внутреннем дворике, где из последних сил боролось за жизнь покрытое пылью банановое дерево. В глубине дворика был вырыт колодец, из которого служанка, бывшая рабыня, доставала воду для хозяйственных нужд. Амин рассказал Матильде, что Ясмин была родом из Африки, скорее всего из Ганы, и что Кадур Бельхадж купил ее для своей жены на рынке в Марракеше.

* * *

В письмах к сестре Матильда лгала. Она утверждала, будто ее жизнь похожа на романы Карен Бликсен, Александры Давид-Неель и Перл Бак. В каждом послании она сочиняла новую историю о знакомстве с жизнью добродушных суеверных аборигенов, отводя себе, разумеется, главную роль. Она неизменно красовалась в сапогах и шляпе, верхом на чистокровном арабском жеребце. Она хотела, чтобы Ирен ей завидовала, чтобы каждое слово в письме причиняло ей боль, чтобы она бесилась от раздражения и досады. Матильда мстила строгой и властной старшей сестре, которая всю жизнь обращалась с ней как с несмышленой девчонкой, Ирен доставляло удовольствие прилюдно унижать ее. «У Матильды ветер в голове. Она распутная», – заявляла она без всякой нежности и снисходительности. Матильде всегда казалось, что сестра так и не сумела ее понять, держа в плену своей деспотичной привязанности.

Уехав в Марокко, сбежав из своей деревни, от соседей и заранее известного будущего, Матильда торжествовала. Поначалу она писала восторженные письма, в которых рассказывала о своей жизни в медине. Особенно усердно расписывала таинственность узеньких улочек квартала Беррима, лишь вскользь упоминая о том, что они грязные, шумные, насквозь пропитаны вонью ослов, перевозящих людей и товары. Одна монахиня, работавшая в приюте, помогла ей найти книжку о Мекнесе, иллюстрированную гравюрами Делакруа. Эту книжку с пожелтевшими страницами она держала на тумбочке у своей постели, словно хотела впитать ее содержимое. Она выучила наизусть отрывки из текста Пьера Лоти, казавшиеся ей удивительно поэтичными, ее приводила в трепет мысль,

что этот писатель когда-то останавливался на ночлег совсем рядом, всего в нескольких километрах от их дома, и рассматривал мощные старинные стены и рукотворный водоем Агдаль. Она писала сестре о вышивальщиках, медниках, резчиках по дереву, которые трудятся, сидя по-турецки, в своих лавчонках, устроенных в подвальных помещениях. Рассказывала о процессиях религиозных братств на площади Эль-Хедим, о шествиях предсказательниц и целителей. В одном из писем она уделила целую страницу описанию лавочки знахаря, который торговал черепами гиен, сушеными воронами, лапками ежей и змеиным ядом. Она предполагала, что это произведет сильное впечатление на Ирен и на их папу Жоржа и, лежа в своих кроватях на втором этаже их добротного дома, они будут завидовать тому, что она пожертвовала скучной повседневностью ради приключений, комфортом ради романтики. Все, что ее окружало, было так необычно, непохоже на то, что она знала до сих пор. Ей понадобились новые слова, целый новый лексический пласт, чтобы выразить свои чувства, описать солнечный свет, такой сильный, что все ходили прищурившись, передать ежечасно переполнявшее ее изумление этой великой тайной и великой красотой. Все вокруг – цвет листвы, оттенки небес, даже вкус, который порывы ветра оставляли на языке и губах, – было ей незнакомо. Все изменилось.

В первые месяцы пребывания в Марокко Матильда много времени проводила за маленьким письменным столом, который свекровь поставила в ее комнате. Старушка проявляла к ней трогательное почтение. Впервые в жизни Муилала жила под одной крышей с образованной женщиной и, когда видела, как Матильда склоняется над листком коричневатой почтовой бумаги, испытывала безмерное восхищение своей невесткой. Вскоре она запретила домашним шуметь в коридорах и приказала Сельме не бегать с первого этажа на второй и обратно. Она также воспротивилась тому, чтобы Матильда проводила целый день на кухне, ибо, как она рассудила, это не место для европейской женщины, которая умеет читать газеты и листать книжные страницы. Так что Матильда закрылась у себя и стала писать. Она редко получала от этого удовольствие, потому что всякий раз, когда она принималась за описание пейзажа или какой-нибудь бытовой сценки, ей не хватало словарного запаса, по крайней мере, ей так казалось. Она постоянно спотыкалась на одних и тех же словах, тяжелых и скучных, и тогда начинала смутно догадываться, что язык – бескрайнее поле, площадка для игр, не имеющая границ, и это пугало ее и приводило в изумление. Столько всего надо было рассказать, она хотела бы быть Мопассаном, чтобы описать желтый цвет стен медины, детей, которые, играя, носятся сломя голову, женщин, укутанных в белый хайк[3 - Хайк – традиционное женское одеяние в странах Магриба, закрывающее голову и тело целиком; прямоугольный кусок ткани размером 6???2,2 м, который драпируется и

закрепляется на талии поясом, а на плечах – пряжками.], скользящих по улицам словно призраки. Она старалась подобрать разные экзотические выражения: они – Матильда была уверена – очень понравились бы отцу. Она писала о набегах кочевников, о феллахах, о джиннах и разноцветной глазурованной плитке с орнаментом.

Ей больше всего на свете хотелось бы выражать свои мысли, не натыкаясь ни на какие барьеры, не встречая никаких препятствий. Чтобы в ее описаниях предметы выглядели такими, какими она их видит. Рассказать о мальчишках, обритых наголо из-за парши, которые бегают по улицам, оглушительно кричат и играют, а когда она проходит мимо, останавливаются, оборачиваются и внимательно смотрят на нее сумрачным взглядом, куда более взрослым, чем они сами. Однажды она имела глупость сунуть монетку в ладошку малыша лет пяти, а то и меньше, в коротких штанишках и сползающей с макушки, слишком большой для него феске. Ростом он был не выше мешков с чечевицей и кускусом, выставленных бакалейщиком перед дверью лавки: Матильда мечтала однажды с наслаждением погрузить в них руки.

– Купи себе мячик, – сказала она ребенку и почувствовала, как ее переполняет чувство гордости и радости.

Но малыш что-то прокричал, со всех соседних улиц сбежались мальчишки и облепили Матильду, словно рой назойливых насекомых. Они призывали Аллаха, произносили французские слова, но она ничего не понимала и вынуждена была спасаться бегством под насмешливыми взглядами прохожих, говоривших про себя: «Это отучит ее от дурацкой благотворительности». За этой непостижимой реальностью она предпочла бы наблюдать издали, оставаясь невидимой. Высокий рост, белая кожа, положение иностранки не позволяли ей стать частью этой жизни и, как все, по умолчанию ощущать себя здесь своей. На тесных улочках она вдыхала аромат кожи, горящих дров и свежего мяса, смешанный запах застойной воды, перезревших груш, ослиного помета и древесной стружки. Но слов, чтобы описать это, не находила.

Когда Матильде надоедало сочинять письма или читать романы, которые она знала наизусть, она поднималась на крышу, на террасу, где женщины стирали белье и раскладывали сушить мясо. Она слушала уличные разговоры и песни женщин, прятавшихся, как им и полагалось, наверху. Она наблюдала, как они ловко, словно эквилибристки, перебираются с одной террасы на другую, рискуя сломать себе шею. На этих крышах девочки, служанки, замужние женщины

громко перекликались, плясали, делились секретами, спускаясь вниз только вечером или в полдень, когда солнце жгло слишком яростно. Спрятавшись за низенькой стенкой, Матильда, тренируясь в произношении арабских слов, повторяла те несколько ругательств, которые усвоила, и прохожие, задирая голову, бранились на нее в ответ: Lay atik typhus![4 - «Чтоб Господь наслал на тебя тиф!» (Здесь и далее арабские слова и выражения автор передает латиницей и предлагает свой перевод.)] Они, наверное, думали, что над ними потешается какой-нибудь мальчишка, маленький озорник, изнывающий от скуки у материнской юбки. Матильда чутко улавливала и необычайно быстро впитывала арабские слова, и это оказалось для всех полной неожиданностью. «Еще вчера она ничего не понимала!» – удивленно воскликнула Муилала и с тех пор в присутствии Матильды тщательно следила за тем, что говорит.

Матильда выучила арабский на кухне. В конце концов она настояла на том, чтобы ей разрешили там находиться, и Муилала позволила ей сидеть и смотреть. Ей подмигивали, улыбались, женщины пели. Сначала она выучила слова «помидор», «масло», «вода» и «хлеб». Потом «горячий», «холодный», названия специй, затем все, что связано с погодой: «засуха», «дождь», «мороз», «горячий ветер» и даже «песчаная буря». С этим багажом она уже сама могла говорить о теле и о любви. Сельма, учившая в школе французский, служила ей переводчиком. Часто, спускаясь к завтраку, Матильда обнаруживала Сельму спящей на кушетке в гостиной. Она корила Муилалу за то, что та не интересуется учебой дочери, ее отметками, прилежанием. Муилала позволяла дочери спать круглыми сутками, и у нее не хватало духу поднимать ее в школу рано утром. Матильда попыталась убедить Муилалу в том, что ее дочь, получив образование, сумеет добиться независимости и свободы. Но старуха в ответ насупилась. Ее лицо, обычно такое приветливое, помрачнело: ей очень не понравилось, что какая-то неверная, чужачка, вздумала ее поучать. «Почему вы разрешаете ей пропускать школу? Вы ставите под удар ее будущее», – заявила Матильда. О каком будущем, думала Муилала, толкует эта француженка? Что плохого, если Сельма проведет день дома и научится набивать фаршем кишки для колбасы, а потом их зашивать, вместо того чтобы марать тетрадные листы черными закорючками? У Муилалы было слишком много детей и слишком много забот. Она похоронила мужа и троих малюток. Сельма стала для нее подарком, отдушиной, последней в жизни возможностью проявить нежность и терпение.

С наступлением первого для нее рамадана Матильда решила соблюдать пост, как и все, и Амин поблагодарил ее за то, что она соблюдает их обычаи. Каждый

вечер она ела хариру – пряный суп из чечевицы и нута, который ей не нравился, и поднималась до рассвета, чтобы позавтракать финиками и густым кислым молоком. Весь священный месяц Муилала почти не выходила из кухни, и Матильда, любившая поесть и не отличавшаяся сильной волей, не могла понять, как можно воздерживаться от еды и при этом проводить дни напролет среди ароматов томящегося с мясом риса и свежего хлеба. С рассвета до вечерней темноты женщины раскатывали миндальное тесто, окунали в теплый мед жаренные в масле лакомства. Они месили маслянистое тесто и растягивали его до тех пор, пока оно не становилось тонким, как бумага, на которой Матильда писала письма. Их руки не боялись ни холода, ни жара, они то и дело касались ладонями раскаленных противней. За время поста они спали с лица, и Матильда спрашивала себя, как они ухитряются держаться на ногах в душной, перегретой кухне, где от густого запаха супа можно упасть в обморок. Сама она все долгие дни воздержания от пищи только и думала о том, что будет есть с наступлением темноты. Вытянувшись на одной из отсыревших кушеток в гостиной, она закрывала глаза и перекатывала во рту комочки слюны. Матильда старалась побороть приступы головной боли, представляя себе исходящие паром ломти теплого хлеба, яичницу с вяленым мясом, «рожки газели»[5 - «Рожки газели» – традиционное марокканское печенье из тонкого хрустящего теста с миндальной начинкой.], размоченные в чае.

Как только с минарета раздавался призыв к молитве, женщины ставили на стол кувшин молока, тарелку с крутыми яйцами, миску с дымящимся супом, финики, из которых они заранее ногтями вытащили косточки. Муилала уделяла внимание каждому из мужчин: она до отвала кормила этих важных господ мясом, добавляя младшему сыну побольше перца, потому что он любил, чтобы во рту горело. Она выжимала из апельсинов сок для Амина, поскольку беспокоилась о его здоровье. Стоя на пороге гостиной, она дожидалась, пока мужчины со слегка помятыми после дневного сна лицами разломят хлеб, очистят по крутому яйцу и поудобнее устроятся на подушках вокруг стола, и только тогда возвращалась на кухню, чтобы приступить к еде. Матильда этого совершенно не понимала. Она говорила: «Она что, рабыня? Целый день стряпает, а потом еще ждет, пока вы поедите! В голове не укладывается!» Она высказала свое возмущение в присутствии Сельмы, сидевшей на подоконнике в кухне, и та залилась смехом.

Осыпав Амина яростными обвинениями, Матильда повторила их вновь в день праздника Ид-аль-Кабир[6 - Ид-аль-Кабир (чаще Ид-аль-Адха) – мусульманский праздник, тюркское название которого Курбан-байрам.], и между ними вспыхнула жестокая ссора. Сперва Матильда молчала, словно окаменев при виде мясников в залитых кровью фартуках. С террасы на крыше дома она смотрела,

как по притихшим улочкам старого города неспешно перемещались силуэты этих живодеров, а потом молодые мужчины торопливо сновали от входной двери к очагу и обратно. Между домами текли ручьи теплой пузырящейся крови. В воздухе витал запах сырого мяса, а у входов в жилища болтались на железных крюках ворсистые шкуры животных. «В такой день очень удобно совершать убийства», – подумала Матильда. На других террасах, в царстве женщин, все трудились без устали. Резали, потрошили, обдирали, делили. Закрывались на кухнях, промывали внутренности, обрабатывали бараньи кишки, удаляя запах помета, а потом фаршировали их, зашивали и долго томили в остром соусе. Нужно было отделить жир от мяса и сварить баранью голову, ведь даже глаза животного будут съедены: они достанутся старшему сыну, который подцепит указательным пальцем плотные блестящие шары и вытащит их из глазниц. Когда Матильда подошла к Амину и заявила, что это «праздник дикарей», что сырое мясо и кровь вызывают у нее отвращение и ее вот-вот стошнит, он воздел к небесам трясущиеся от гнева руки, и только мысль о том, что в день священного праздника Всевышний велит обуздывать гнев и проявлять сочувствие к ближним, помешала ему шлепнуть жену по губам.

* * *

В конце каждого письма Матильда просила Ирен присылать ей книги. Приключенческие романы, сборники рассказов, действие которых разворачивается в далеких холодных странах. Она не призналась сестре, что больше не ходит в книжный магазин в центре европейской части города. Она возненавидела этот район болтливых кумушек, жен поселенцев и военных, она чувствовала, что на этих улицах, вызывающих у нее гадкие воспоминания, в ней просыпается убийца. В один сентябрьский день 1947 года, когда она была на восьмом месяце беременности, она очутилась на авеню Республики; большинство жителей Мекнеса называли ее просто авеню. Стояла жара, ноги у Матильды отекли. Она подумала, что хорошо бы пойти в кинотеатр «Империя» или выпить чего-нибудь холодного на террасе «Пивного короля». В этот момент ее толкнули две молодые женщины. Одна из них, брюнетка, рассмеялась и сказала: «Посмотри-ка на нее. Ее араб обрюхатил». Матильда развернулась и схватила женщину за рукав, та освободилась резким рывком. Если бы не огромный живот, если бы не измотавшая ее жара, Матильда бросилась бы за ней. И отделала бы как следует. Вернула бы все оплеухи, которые сама получала в течение жизни. Дерзкая девчонка, похотливая девица, непокорная жена, она подвергалась побоям и насмешкам, приводя в ярость тех, кто хотел сделать из нее респектабельную даму. Ее всю жизнь пытались дрессировать, и две

незнакомые дамочки заплатили бы за это.

Как это ни странно, Матильде ни разу не пришло в голову, что Ирен и Жорж могут не поверить ее рассказам, и тем более – что они могут нежданно-негаданно приехать ее навестить. Когда весной 1949 года Матильда поселилась на ферме, она почувствовала, что вольна врать что угодно о том, как ей живется в роли землевладелицы. Она не признавалась, что ей не хватает суеты, царившей в медине, что теснота, которую она проклинала на первых порах, теперь казалась ей недостижимым благом. Она часто писала сестре: «Хотела бы я, чтобы ты сейчас меня видела», – не отдавая себе отчета в том, что это было признание в безграничном одиночестве. Она с грустью думала о том, что никому не интересно, как она впервые сделала то или это, что ее жизнь проходит без зрителей. А зачем жить, если тебя никто не видит?

Она всегда заканчивала письмо такими словами: «Я вас люблю» или «Я скучаю по вас», – но никогда не упоминала, что тоскует по родине. Не поддалась соблазну рассказать им о том, что перелет аистов, каждый год появлявшихся в небе над Мекнесом в начале зимы, погружал ее в черную меланхолию. Ни Амин, ни работники на ферме не разделяли ее любви к животным, и когда в один прекрасный день она поделилась с мужем воспоминанием о кошке Минэ, которая была у нее в детстве, тот только закатил глаза, выражая неодобрение подобной сентиментальности. Матильда подбирала кошек, прикармливая их кусочками хлеба, смоченными в молоке, и когда берберские женщины косились на нее, полагая, что она только понапрасну изводит хлеб, она думала: «Этих бедных животных никто никогда не любил, нужно это исправить».

Ну рассказала бы она правду Ирен, и что проку? Поведала бы, как с утра до вечера трудится как сумасшедшая, как одержимая, таская на спине двухлетнюю малютку? Что поэтичного в том, что она долгими ночами, исколов большой палец, шьет для Аиши вещички, чтобы ее одежда выглядела как новая? При свете свечи, смердящей дешевым воском, она вырезала выкройки из старых журналов и самоотверженно шила малышке крошечные шерстяные штанишки. В удушливую августовскую жару, усевшись в одной комбинации прямо на цементный пол, она мастерила для дочки платье из прелестной хлопковой ткани. И никто не обратил внимания на то, какое оно красивое, никто не заметил изящных складок, бантиков над карманами, красной подкладки, подчеркивавшей все эти детали. Люди здесь были равнодушны к красоте, и это ее убивало.

В рассказах Матильды Амин появлялся крайне редко. Ее муж был персонажем второго плана, и его окружала непроницаемая завеса. Она хотела, чтобы у Ирен создалось впечатление, будто их с Амином связывает такая пылкая любовь, что о ней нет смысла говорить: ее не выразить словами. В ее умолчаниях сквозили чувственные намеки, она прибегала к недомолвкам из стыдливости и особенно из чувства такта. Дело в том, что Ирен влюбилась и вышла замуж перед самой войной, ее избранником стал немец, сутулый от сколиоза, и спустя всего три месяца она овдовела. Когда у них в деревне объявился Амин, Ирен, выпучив глаза и сгорая от зависти, наблюдала, как ее младшая сестра трепещет в объятиях африканца. И как шея девчонки покрывается темными пятнами засосов.

Как ей было признаться, что мужчина, которого она встретила во время войны, стал совсем другим? Под гнетом забот и унижений Амин изменился, сделался угрюмым. Сколько раз, идя с ним под руку, Матильда ловила тяжелые взгляды прохожих! И тогда ей становилось неприятны его прикосновения, они как будто ее обжигали, и она с некоторой долей отвращения осознавала, до чего они с мужем разные. Она думала, что нужно очень много любви – гораздо больше, чем ей дано, – чтобы вынести людское презрение. Нужна непоколебимая, безграничная, крепкая любовь, чтобы спокойно переносить унижение, когда французы обращаются к Амину на «ты», когда полицейские требуют предъявить документы, а потом извиняются, заметив его воинские награды и безупречный французский: «Надо же, дружище, вы не такой, как другие». Амин улыбался. Прилюдно он уверял, что у него нет проблем с Францией, поскольку он едва не погиб за нее. Но как только они оставались одни, Амин замыкался в молчании, снова и снова испытывая стыд за свое малодушие и за то, что он предал свой народ. Он входил в дом, распахивал шкафы и сбрасывал на пол все, что попадало ему под руку. Матильда тоже быстро вспыхивала и однажды, посреди ссоры, когда он орал: «Заткнись! Ты меня позоришь!» – она открыла холодильник и схватила миску со спелыми персиками, из которых собиралась варить джем. Она выплеснула размякшие перезрелые плоды в лицо Амину, не заметив, что Аиша все это время внимательно наблюдала за ними и теперь с изумлением таращилась на отца, с волос и шеи которого стекал сладкий сок.

* * *

Амин говорил с Матильдой только о делах. Работники, проблемы, цены на пшеницу, прогноз погоды. Когда их приезжали навестить родственники, они усаживались в маленькой гостиной, раза три-четыре осведомлялись о ее

здоровье, потом сидели молча и пили чай. Матильда всех их считала до тошноты раболепными и заурядными, они причиняли ей больше страданий, чем тоска по родине и одиночество. Ей хотелось бы поговорить о своих чувствах, надеждах, о тревогах, накатывающих неожиданно и чаще всего беспричинно, как и любые тревоги. «Неужели у него нет никакой внутренней жизни?» – размышляла она, наблюдая, как Амин молча ест, уставившись в тарелку с приготовленным служанкой тажином из нута с отвратительным, по мнению Матильды, жирным соусом. У Амина не было никаких интересов, кроме фермы и упорного труда. Ни смеха, ни танцев, ни досуга, ни болтовни – никогда. Здесь, в этой стране, они друг с другом не разговаривали. Ее муж был суров как квакер. Обращался с ней как с девочкой, которую ему поручили воспитывать. Она получала уроки хороших манер вместе с Аишей, и ей оставалось только послушно кивать, когда Амин объяснял: «Так делать нельзя» или «У нас нет денег». Когда Матильда приехала в Марокко, она была как ребенок. Всего за несколько месяцев ей пришлось научиться переносить одиночество и жизнь в четырех стенах, терпеть мужскую грубость и обычаи чужой страны. Она переехала из отчего дома в дом мужа, но ей казалось, что от этого у нее не прибавилось ни независимости, ни авторитета. Она с трудом добилась повиновения от молоденькой служанки, Тамо. Однако старшая служанка, Ито, мать девушки, проявляла бдительность, и в ее присутствии Матильда не осмеливалась повышать голос. Еще хуже дело у нее обстояло с терпением и педагогикой. Она то бросалась к дочке и жадно ее ласкала, то орала на нее в приступе гнева. Порой, когда она смотрела на свое дитя, материнство казалось ей чем-то ужасным, жестоким, бесчеловечным. Как один ребенок может воспитывать другого? Ее тело безжалостно разъяли и вытащили из него безвинную страдалицу, которую она не способна защитить.

Когда Амин женился на Матильде, ей едва исполнилось двадцать лет, но тогда это его не беспокоило. Напротив, он находил совершенно очаровательными молодость своей жены, ее широко распахнутые глаза, полные восторга и удивления перед всем на свете, ее ломкий, подростковый голос, мягкий и нежный, как у ребенка, язык. Ему исполнилось двадцать восемь лет, немногим больше, чем ей, но впоследствии ему пришлось признать, что тягостное чувство неловкости, которое временами вызывала у него жена, не имело отношения к возрасту. Он был мужчиной и прошел войну. Родился в стране, где честь и Всевышний – понятия одного порядка, к тому же он потерял отца, а это заставляло его вести себя серьезно и степенно. Все, что очаровывало его, пока они были в Европе, теперь начало тяготить и даже раздражать. Матильда была капризной и легкомысленной. Амин злился на нее за то, что она не умела проявлять твердость, что оказалась недостаточно толстокожей. У него не хватало ни времени на нее, ни таланта утешителя. А ее слезы! Сколько слез она

пролила с тех пор, как они приехали в Марокко! Она плакала из-за малейшей неприятности, рыдала по любому поводу, и это выводило его из себя. «Перестань плакать. Моя мать, не раз хоронившая детей и в сорок лет оставшаяся вдовой, пролила меньше слез, чем ты за одну только прошлую неделю. Перестань, перестань немедленно!» Европейские женщины, видимо, склонны к отрицанию реальности, думал он.

Она слишком много плакала и слишком много и нескромно смеялась. Когда они только познакомились, то целыми днями валялись в траве на берегу Рейна. Матильда делилась с ним своими мечтами, а он обнадеживал ее, не думая о последствиях, не замечая собственного тщеславия. Она забавляла Амина, который не умел искренне и открыто веселиться и, смеясь, прикрывал рот ладонью, как будто считал смех чем-то постыдным, глубоко неприличным. Здесь, в Мекнесе, все было по-другому, и в те редкие дни, когда он водил Матильду в кинотеатр «Империя», выходил после сеансов в скверном настроении, сердясь на жену за то, что она громко хохотала да к тому же пыталась осыпать его поцелуями.

Матильде хотелось бывать в театре, включать музыку на полную громкость, танцевать в маленькой гостиной. Она мечтала о красивых платьях, о приемах, вечеринках с танцами, роскошных праздниках под сенью пальм. Она хотела ездить на балы во «Французское кафе» по субботам, в «Счастливую долину»[7 - «Счастливая долина» (La Vallee Heureuse) – обширный ландшафтный парк с водопадами и прудами, виноградниками, плантациями оливковых деревьев, коллекцией экзотических растений и разнообразными архитектурными объектами, созданный в годы Первой мировой войны архитектором и ботаником Эмилем Паньоном. Он располагался в нескольких километрах от Мекнеса и был популярным местом отдыха и туризма. Ныне заброшен и пришел в упадок.] по воскресеньям, приглашать друзей на чашечку чая. С грустью вспоминала о вечеринках, которые устраивали ее родители. Она боялась, что время пролетит слишком быстро, что бедность и тяжкий труд – это надолго, а когда она сможет наконец отдохнуть, то станет слишком старой для красивых платьев и вечеринок под пальмами.

Однажды вечером, вскоре после того, как они поселились на ферме, Амин, одетый в праздничный костюм, прошел у нее перед носом через кухню, где она кормила ужином Аишу. Потеряв дар речи, она подняла глаза на мужа, не зная, радоваться ей или сердиться.

– У меня встреча, – произнес он. – Старые друзья, с которыми я вместе служил, сейчас в городе. – Наклонившись к Аише, он поцеловал ее в лоб, но тут Матильда проворно вскочила. Она позвала Тамо, наводившую порядок во дворе, и сунула ей в руки малышку. Не терпящим возражения голосом Матильда спросила:

– Мне одеться понаряднее или это необязательно?

Амин опешил. Пробормотал что-то о том, что это просто встреча старых товарищей и для женщины это неподходящее место.

– Если это неподходящее место для меня, то я не понимаю, почему оно подходит для тебя, – заявила Матильда.

Растерявшись и не понимая, что делает, Амин позволил Матильде поехать с ним, та швырнула домашний халат на кухонный стул и стала щипать себе щеки, чтобы на них заиграл румянец.

В машине Амин не произнес ни слова и рулил с мрачным видом, не отрывая глаз от дороги, злясь на Матильду и проклиная собственную слабость. Она болтала, улыбалась, вела себя так, словно не замечала, что ее слишком много. Она убедила себя в том, что ее веселое настроение поможет ему расслабиться, и была нежна, шаловлива, раскованна. Они уже въехали в город, а Амин даже рта не раскрыл. Припарковал машину, торопливо выскочил из нее и поспешил к террасе кафе. Можно было подумать, что он питает смутную надежду, что она отстанет от него и затеряется на улицах европейской части города, а может, просто хотел избежать унизительной сцены появления в кафе под руку с женой.

Матильда догнала его так быстро, что он даже не успел ничего объяснить своим товарищам, которые его уже ждали. Мужчины встали, застенчиво и учтиво поприветствовали Матильду. Омар, брат Амина, пригласил ее сесть рядом с ним. Все мужчины выглядели очень элегантно, надели пиджаки, пригладили волосы бриолином. Подозвали веселого грека, уже почти двадцать лет державшего это кафе, заказали выпить. В этом кафе, одном из немногих заведений в городе, не было и намека на сегрегацию, за одним столиком сидели и выпивали арабы с европейцами, и мужское общество приятно разбавляли не проститутки, а обычные женщины. Террасу, расположенную на пересечении двух улиц, защищали от людских глаз большие померанцевые деревья с густой листвой. Амин с друзьями чокались и выпивали, но говорили мало. То и дело повисали

паузы, прерываемые негромкими смешками и изредка – анекдотами. Так было всегда, но Матильда этого не знала. Она поверить не могла, что так проходят все вечера в мужской компании Амина, вечера, к которым она так его ревновала, которые так занимали ее воображение. Она думала, что все это из-за нее, что это она испортила им вечер. Ей захотелось что-нибудь им рассказать. Пиво придало ей отваги, и она робким голосом поведала им забавную историю из своей жизни в родном Эльзасе. Голос ее дрожал, она с трудом подбирала слова, и ее рассказ никого не заинтересовал и не рассмешил. Амин посмотрел на нее с презрением, и это причинило ей боль. Никогда еще она так остро не чувствовала себя непрошеной гостьей.

Фонарь на противоположной стороне улицы несколько раз мигнул и перегорел. Едва освещенная несколькими свечами терраса кафе приобрела новые, волшебные очертания, темнота успокоила Матильду, и у нее появилось ощущение, будто все о ней забыли. Она боялась, что в какой-то момент Амин решит раньше времени прервать этот вечер, положить конец всеобщему замешательству, и произнесет: «Нам пора». Тогда она, конечно, имела бы право устроить сцену, закричать, дать ему пощечину, всю обратную дорогу ехать, прижавшись лбом к стеклу. А пока она наслаждалась шумом города, ловила разговоры соседей по столу, потом закрыла глаза, чтобы лучше слышать музыку, доносящуюся из глубины кафе. Ей очень хотелось, чтобы это продлилось еще хоть немного, у нее не было ни малейшего желания возвращаться домой.

Мужчины расслабились. Алкоголь сделал свое дело, и они заговорили по-арабски. Возможно, потому, что думали, будто она их не понимает. Молодой официант с багровыми прыщами на лице поставил на стол большое блюдо фруктов. Матильда съела кусочек персика, потом надкусила ломтик арбуза, потек сок и испачкал ей платье. Она зажала между большим и указательным пальцами черное арбузное семечко и выстрелила. Семечко улетело и приземлилось на физиономию толстяка в феске, обливавшегося потом в плотном сюртуке. Мужчина замахал рукой, словно желая отогнать муху. Матильда вооружилась вторым семечком и на сей раз стала целиться в высокого, очень светлого блондина, который, широко расставив ноги, что-то оживленно рассказывал. Но не попала, семечко угодило в затылок официанту, и тот чуть не выронил поднос. Матильда хихикнула и на протяжении следующего часа обстреливала семечками посетителей, и те резко вздрагивали. Можно было подумать, что всех поразил странный недуг вроде той загадочной тропической лихорадки, что заставляет людей танцевать и заниматься сексом. Люди начали жаловаться. Хозяин, чтобы избавить их от нашествия назойливых насекомых, велел зажечь ароматические палочки. Но атака продолжалась, и вскоре у всех

гостей – от благовоний и от выпивки – разболелась голова. Терраса опустела, Матильда попрощалась с друзьями Амина, и когда Амин, едва они переступили порог дома, залепил ей пощечину, она подумала, что, по крайней мере, вволю повеселилась.

***

Во время войны, когда его часть двигалась на восток, Амин постоянно думал о своем наследственном владении, как другие грезят о женщине или вспоминают мать, оставшуюся дома. Он боялся, что погибнет, так и не сдержав обещания сделать эту землю плодородной. Когда нужно было скоротать долгие часы унылого ожидания, которых война припасла предостаточно, мужчины доставали карты, или стопки замусоленных писем, или романы. Амин же с головой погружался в чтение трудов по ботанике или профессиональных журналов, посвященных новым методам ирригации. Он где-то прочитал, что Марокко может стать как Калифорния – американский штат, где много солнца и апельсиновых деревьев, где землевладельцы зарабатывают миллионы. Он уверял своего ординарца Мурада, что их королевство стоит на пороге революции, что оно вскоре вырвется из векового мрака, когда крестьянин боялся разбойничьих набегов и потому предпочитал разводить овец, а не выращивать пшеницу: ведь у овцы четыре ноги, и она умеет бегать быстрее лихих людей. У Амина созрело намерение отказаться от старых способов земледелия и создать на своей земле образцовую современную ферму. Он с воодушевлением прочел статью некоего Менаже, в прошлом тоже военного, который после окончания Первой мировой войны начал сажать эвкалипты на бесплодной равнине Гарб. Менаже, воодушевленный отчетом об австралийской экспедиции, которую в 1917 году организовал маршал Лиоте, сравнил состав почв и уровень осадков в этом регионе Марокко и на далеком континенте. Конечно, все потешались над энтузиастом. Французы и марокканцы высмеивали этого человека, собиравшегося засадить эти земли до самого горизонта деревьями, которые не приносят плодов и только портят пейзаж унылыми серыми стволами. Но Менаже удалось убедить в своей правоте Управление лесного хозяйства и водных ресурсов, и вскоре всем пришлось признать, что он выиграл пари: эвкалипты преградили путь пустынным ветрам, они оздоровили глубинные слои почвы, кишмя кишевшие паразитами, их мощная корневая система всасывала воду из низкого почвенного горизонта, недоступного для простых земледельцев. Амин тоже хотел стать одним из первооткрывателей, для которых сельское хозяйство будет страстным исканием, захватывающим приключением. Он желал пройти по следу терпеливых мудрецов, проводивших эксперименты на этих бесплодных

землях. От Марракеша до Касабланки эти крестьяне, коих считали сумасшедшими, упорно сажали апельсиновые деревья, намереваясь превратить суровые засушливые земли в край изобилия и процветания.

В 1945 году Амин вернулся на родину победителем, женатым на иностранке. Он боролся за то, чтобы вновь вступить в права владения своей собственностью, чтобы обучать своих работников, сеять, собирать урожай, смотреть вширь и вдаль, как однажды сказал маршал Лиоте. В конце 1948 года после долгих переговоров Амин получил назад свои земли. Для начала пришлось отремонтировать жилище, вставить новые окна, привести в порядок сад перед домом, замостить задний дворик, примыкавший к кухне, чтобы там можно было стирать и развешивать белье. С северной стороны участок шел под уклон, и Амин построил там красивое каменное крыльцо и установил стеклянную дверь, которая вела в столовую. Оттуда можно было любоваться величественным силуэтом горы Зерхун и бескрайними девственными просторами, по которым с начала времен бродили дикие животные.

За первые четыре года на ферме они пережили все невзгоды, какие только можно вообразить, их жизнь напоминала библейские сюжеты. Поселенец, арендовавший землю в годы войны, освоил лишь небольшой участок за домом, а все остальное еще предстояло обработать. Прежде всего нужно было возродить землю и выкорчевать пальму гифену, коварное и строптивое растение, и это требовало изнурительного труда. В отличие от соседей, Амин не был счастливым обладателем трактора, и его работникам, чтобы извести гифену, приходилось месяц за месяцем орудовать киркой. Потом еще нескольких недель они расчищали почву, выбирая камни, и как только в земле не осталось даже мелкого щебня, ее вспахали плугом и разрыхлили. Посеяли чечевицу, горох, фасоль, несколько гектаров ячменя и мягкой пшеницы. И тут хозяйство подверглось нашествию саранчи. Бурая туча насекомых, словно появившихся из ночного кошмара, с деловитым стрекотом уничтожила урожай и все плоды на деревьях. Амин разозлился на работников за то, что те, пытаясь отогнать вредителей, не придумали ничего лучшего, как стучать по консервным банкам: «Тупицы безмозглые! И это все, на что у вас ума хватило?!» Он накричал на работников, потом научил их более действенным мерам: рыть канавки и раскладывать в них отравленную приманку из древесных опилок.

На другой год наступила засуха, поля выглядели печально, колосья были пусты, как животы крестьян следующие несколько месяцев. Жители дуаров истово молились о дожде, хотя эти старые молитвы за несколько столетий так ни разу

им и не помогли. Но они все равно молились под палящим октябрьским солнцем, и никто не роптал на глухоту Всевышнего. Амин велел выкопать колодец, что потребовало огромного труда и поглотило значительную часть его наследства. Однако ствол колодца затягивало песком, и работники не могли качать воду для орошения.

Матильда гордилась мужем. Хоть она и сердилась на него за его вечное отсутствие, обижалась за то, что он оставлял ее дома одну, она знала, что он работящий и порядочный человек. Иногда она думала, что если ее мужу чего и не хватает, так только везения и хоть капельки чутья. Вот у ее отца все это имелось в избытке. Жорж был менее серьезным, менее трудолюбивым, чем Амин. Он напивался до того, что забывал свое имя и все правила вежливости и приличия. До рассвета играл в карты, засыпал в объятиях грудастых женщин, чьи жирные белые шеи пахли сливочным маслом. Мог ни с того ни с сего уволить бухгалтера, забывал нанять нового, на его старом деревянном письменном столе скапливались горы счетов и писем. Приглашал судебных приставов выпить, потом они сидели вместе, удовлетворенно почесывая животы и распевая старые песни. У Жоржа был исключительный нюх, интуиция, которая никогда его не подводила. Была – и все тут, он даже не пытался это как-то объяснить. Он понимал людей и относился к ним – а значит, и к самому себе – с доброжелательным состраданием, с нежностью, вызывавшей к нему симпатию даже у незнакомцев. Жорж никогда не торговался из жадности, а только ради забавы, и если ему и доводилось кого-нибудь облапошить, то не нарочно.

Несмотря на неудачи, несмотря на ссоры и бедность, Матильда никогда не считала своего мужа бестолковым или ленивым. Каждый день она видела, как Амин поднимается на рассвете, решительно выходит из дому и возвращается только вечером в сапогах, перемазанных землей. Амин проходил многие километры и никогда не уставал. Люди из дуара восхищались его упорством, хотя порой косо поглядывали на молодого соплеменника, презиравшего традиционные методы земледелия. Они смотрели, как он садится на корточки, трогает пальцами землю, кладет ладонь на кору дерева, как будто надеется, что природа откроет ему свои секреты. Он хотел, чтобы дело продвигалось быстрее. Он хотел преуспеть.

В начале 50-х годов поднялась волна национализма, и поселенцы-европейцы стали объектом бешеной ненависти. Случались похищения людей, нападения, поджоги ферм. Поселенцы, со своей стороны, тоже стали объединяться,

создавая группы обороны, и Амину было известно, что его сосед, Роже Мариани, входит в одну из таких групп. «Природа равнодушна к политике», – однажды сказал Амин Матильде, пытаясь оправдать свое намерение наведаться к соседу, пользовавшемуся скандальной репутацией. Он хотел понять, что лежит в основе невероятного процветания этого человека, узнать, какие типы тракторов тот использует, как устроил систему ирригации. Он также мечтал договориться с ним о поставке зерновых для его свиноводческого хозяйства. На остальное Амину было наплевать.

Однажды днем Амин пересек дорогу, разделявшую их владения. Прошел мимо больших ангаров, где стояли современные трактора, мимо хлевов с жирными, пышущими здоровьем свиньями, мимо винодельни, где виноград перерабатывали так же, как в Европе. Все здесь дышало надеждой, изобилием. Мариани стоял на крыльце своего дома, держа на сворке двух свирепых желтых псов. Порой он дергался, теряя равновесие, и непонятно было, то ли его действительно тащат за собой здоровенные собаки, то ли он просто притворяется, чтобы продемонстрировать, какой опасности подвергается непрошеный гость. Амин, робея и заикаясь, представился хозяину. Показал рукой на свой участок. «Мне нужен ваш совет», – проговорил он, лицо Мариани прояснилось, и он внимательно оглядел стеснительного араба.

– Выпьем за наше соседство! О делах поговорить еще успеем.

Они прошли по роскошному саду и уселись в тени, на террасе, откуда открывался вид на Зерхун. Тощий темнокожий мужчина поставил на стол стаканы и бутылки. Мариани налил Амину анисовой водки, а когда заметил, что Амин колеблется, прикидывая, что стоит жара, а ему еще работать и работать, рассмеялся: «Ты не пьешь спиртное, да?» Амин в ответ улыбнулся и пригубил белесый мутный напиток. В доме зазвонил телефон, но Мариани как будто даже не заметил.

Сосед не дал ни слова сказать Амину. Казалось, он очень одинок, и ему редко выпадает случай с кем-нибудь поговорить по душам. Амин почувствовал себя не в своей тарелке, когда Мариани фамильярно, как старому знакомому, принялся жаловаться на работников: он обучил уже второе поколение, а они все такие же ленивые и грязные: «Господи, до чего же грязные!» И время от времени, поднимая воспаленные глаза, смотрел в красивое лицо своего гостя и со смешком добавлял: «Ты же понимаешь, я не тебя имею в виду». Затем, по-прежнему не давая Амину слова сказать, Мариани продолжал:

– Они могут говорить что угодно, но эта страна будет прекрасна, даже если тут уже не будет нас, людей, которые растят цветущие деревья, пашут землю, трудятся до седьмого пота. Что здесь было до того, как мы сюда пришли? Ничего. Не было ничего. Оглянись вокруг. Здесь веками жили люди, но ни один из них палец о палец не ударил, чтобы возделать эту чертову прорву гектаров. Только и знали, что воевать. Мы голодали. Положили множество жизней, сеяли, рыли могилы, мастерили колыбели. Мой отец умер от тифа в этой дыре. Я искалечил себе спину, сутками напролет сидя в седле, изъездив вдоль и поперек эту равнину, договариваясь с племенами. Я криком кричал, пытаясь улечься в кровать, так у меня кости болели. Но должен тебе сказать: я многим обязан этой стране. Она помогла мне понять суть вещей, она помогла мне вновь почувствовать в себе жизненную энергию, силу.

От спиртного лицо Мариани побагровело, и поток красноречия замедлился.

– Во Франции мне была уготована бабья жизнь, куцая, убогая – ни размаха, ни достижений, ни горизонтов. Благодаря этой стране я живу как настоящий мужчина.

Мариани подозвал слугу, который трусцой прибежал на террасу. Хозяин по-арабски отругал старика за медлительность и грохнул кулаком по столу так, что опрокинул стакан Амина. Потом сделал вид, будто сплюнул, и посмотрел вслед слуге, удалившемуся и скрывшемуся в доме:

– Смотри и учись! Уж я-то знаю этих арабов! Работники – сплошь тупицы; по-твоему, зря, что ли, руки так и чешутся их поколотить? Я говорю на их языке, я знаю их недостатки. Мне известны все нынешние рассуждения о независимости, но горстке буйнопомешанных не отобрать у меня того, на что я положил столько лет тяжкого труда в поте лица. – Потом, взяв маленький сэндвич с тарелки, которую наконец принес слуга, без улыбки повторил: – Ты же понимаешь, я не тебя имею в виду.

Амин собрался было встать и уйти, распрощавшись с намерением сделать могущественного соседа своим союзником. Но Мариани, физиономия которого удивительным образом походила на морды его псов, повернул к нему голову и, словно почуяв, что Амин обижен, произнес:

– Ты ведь хотел заполучить трактор? Это можно устроить.

Часть II

Летом того года, когда Аиша должна была пойти в подготовительный класс, стояла страшная жара. Матильда бродила по дому в линялой комбинации со сползающими с широких плеч бретельками, ее мокрые от пота волосы прилипали к вискам и ко лбу. На одной руке у нее сидел малыш Селим, в другой она держала газету или кусок картона, используя их как веер. Она постоянно ходила босиком, несмотря на жалобные сетования Тамо, что это приносит несчастье. Матильда выполняла все свои повседневные обязанности, однако движения ее казались более медленными, более затрудненными, чем обычно. Аиша и ее брат Селим, которому только что исполнилось два года, вели себя на удивление смирно. Они не требовали еды, не заявляли, что хотят играть, и проводили весь день голышом, растянувшись на кафельном полу, неспособные ни говорить, ни придумывать игры. В начале августа задул шерги, ветер пустыни, и небо побелело. Детям запретили выходить из дому, потому что Сахара пробуждала у матерей навязчивые страхи. Сколько раз Муилала рассказывала Матильде историю о детях, которых погубила лихорадка, принесенная злым ветром. Свекровь говорила, что нельзя дышать этим губительным воздухом, а особенно хватать его ртом, потому что от него могут выгореть внутренности, и тогда человек высохнет, как растение, вянущее в один миг. Этот проклятый ветер даже ночью не давал людям передышки. Свет угасал, тьма накрывала равнину, растворяя силуэты деревьев, но жара продолжала давить изо всех сил, как будто природа запаслась солнцем впрок. Дети стали раздражительными. Селим начал кричать. Он злился и плакал, мать обнимала его и пыталась утешить. Она часами прижимала его к себе, оба обливались потом и пребывали в полном изнеможении. То лето казалось бесконечным, и Матильда чувствовала себя ужасно одинокой. Несмотря на изнурительную жару, ее муж целыми днями пропадал на полях. Он присматривал за рабочими во время сбора урожая, который вызывал одни разочарования. Колосья иссохли, люди трудились день за днем, но их не оставляла тревога, что уже в сентябре начнется голод.

Однажды вечером Тамо нашла черного скорпиона под грудой кастрюль. На ее пронзительные крики в кухню прибежала Матильда с детьми. Кухонная дверь вела в маленький дворик, где развешивали сушиться белье и вялили мясо, где кучами громоздились грязные тазы и миски и бродили обожаемые Матильдой

кошки. Матильда требовала, чтобы дверь, выходящую наружу, плотно закрывали. Она боялась змей, крыс, летучих мышей и даже шакалов, собиравшихся в стаю около печи для обжига извести. Но Тамо была рассеянной и, должно быть, забыла затворить дверь. Дочке Ито еще не исполнилось и семнадцати. Она была своенравной хохотушкой, любила жить на вольном воздухе, ухаживать за детьми, учить их названиям животных на немецком языке. Ей не очень нравилось, как с ней обращается хозяйка. Эльзаска была суровой, властной, высокомерной. Она задумала обучить Тамо, как она это называла, хорошим манерам, однако терпения ей явно не хватало. Однажды Матильда попыталась преподать девушке уроки западной кухни, но ей пришлось сдаться, столкнувшись с очевидностью: Тамо не проявляла ни малейшего интереса к кулинарной науке, не слушала хозяйку и вяло помахивала лопаткой, которой должна была помешивать заварной крем.

Когда Матильда ворвалась на кухню, молодая берберка принялась причитать и закрыла лицо руками. Матильда не сразу поняла, что именно так ее напугало. Потом заметила черные клешни, высовывающиеся из-под одной из тех сковородок, которые она купила еще в Мюлузе сразу после того, как они с Амином поженились. Она подхватила Аишу, по примеру матери ходившую босиком. По-арабски приказала Тамо взять себя в руки. «Перестань плакать, – несколько раз повторила она, – и немедленно это убери». Она прошла по длинному коридору до своей спальни и сказала: «Ну, мои милые, сегодня вы будете спать со мной».

Она знала, что муж будет ее ругать. Ему не нравилось, как она воспитывает детей, как потакает им, бросается на помощь при любом затруднении и принимает близко к сердцу их переживания. Он упрекал ее в том, что с ней они вырастут слабаками и нытиками, особенно сын. «Мужчину нельзя так воспитывать, так ты не научишь его держать удар». В этом доме посреди пустоты Матильде было страшно, она жалела о своих первых годах в Марокко, когда они жили в Мекнесе, в медине, среди людей, среди шума и суеты. Когда она призналась в этом мужу, он поднял ее на смех: «Поверь мне, здесь вы в гораздо большей безопасности». Тогда, в конце августа 1953 года, он категорически запретил ей ездить в город, потому что боялся стихийных возмущений или восстания. Весть о свержении султана Сиди Мухаммеда бен Юсуфа и его ссылке на Корсику привела народ в ярость. В Мекнесе, как и во всех городах королевства, атмосфера стала взрывоопасной, люди были взбудоражены, и любой пустяк мог перерасти в мятеж. Женщины в медине облачились в черное, глаза у них покраснели от ненависти и слез. Ya Latif, ya Latif! – «О Всевышний, о Всевышний!» – звучало во всех мечетях: мусульмане

молились о возвращении монарха. Возникли тайные организации, ратовавшие за вооруженную борьбу против христианских угнетателей. На улицах от рассвета до заката раздавались крики: Yahya el Malik! – «Да здравствует султан!» Но Аиша совершенно не разбиралась в политике. Она даже не знала, что на дворе 1953 год и одни мужчины бряцают оружием, чтобы добиться независимости, а другие – чтобы им этого не позволить. Аише не было до этого никакого дела. Все лето она не думала ни о чем, кроме школы, и ей было страшно.

Матильда посадила детей на кровать и приказала не двигаться с места. Она вернулась через несколько минут с двумя белыми простынями, которые смочила ледяной водой. Дети растянулись на прохладных влажных простынях, и Селим почти сразу заснул. Матильда свесила опухшие ноги с кровати и покачивала ими. Она гладила густые волосы дочери, и та прошептала:

– Я не хочу идти в школу. Муилала не умеет читать, Ито и Тамо тоже. Ну и что такого?

Матильда внезапно очнулась от дремотного состояния. Она резко села и склонилась к лицу дочери:

– Ни у твоей бабушки, ни у Ито и Тамо не было выбора. – В темноте черты лица матери были неразличимы, но девочке показалось, что голос Матильды звучит непривычно серьезно, и это ее встревожило. – Чтобы я больше никогда не слышала таких глупостей. Ты поняла?

Снаружи дрались кошки, испуская пронзительные вопли.

– Ты знаешь, я тебе завидую, – продолжала Матильда. – Хотела бы я снова вернуться в школу. Узнать столько всего нового, крепко с кем-нибудь подружиться. У тебя начинается настоящая жизнь. Теперь ты совсем большая.

Простыни высохли, но Аиша так и не смогла уснуть. Лежала с открытыми глазами и грезила о новой жизни. Она представляла себе, что стоит в прохладном тенистом дворе и сжимает в своей маленькой ладони руку другой девочки, с которой они понимают друг друга без слов. Матильда сказала, что настоящая жизнь, оказывается, не здесь, не в этом белом доме, одиноко стоящем на холме. Настоящая жизнь не в том, чтобы целый день ходить по пятам за работницами. Получается, что все те, кто работает на полях у ее отца,

живут ненастоящей жизнью? Значит, то, как они красиво поют и ласково зовут Аишу перекусить с ними в тени олив, – это не считается? Перекусить половиной свежей лепешки, испеченной утром прямо на угольной жаровне – кануне, – вокруг которой женщины сидели часами, вдыхая черный, медленно убивающий их дым.

Прежде Аиша никогда не думала о другой жизни, вынесенной за скобки ее собственного существования. Разве что когда они ездили в верхний город, европейский, и ее неожиданно окружали ревущие машины, бродячие торговцы, подростки-лицеисты, гурьбой спешащие в кинотеатры. Когда она слышала музыку, доносящуюся из глубины кафе. Стук каблуков по бетону. Когда мать тащила ее за собой по тротуару, поминутно извиняясь перед прохожими. Да, она и правда убедилась в том, что в других местах течет другая жизнь, более насыщенная, более стремительная, жизнь, казалось, целиком направленная к определенной цели. Аиша подозревала, что сами они как бы существуют в тени и их удел – тяжелый труд вдали от людских глаз, самопожертвование. Служение.

Наступил первый день учебного года. Аиша сидела на заднем сиденье машины, оцепенев от страха. Они могли говорить что угодно, но никаких сомнений у нее не осталось: они ее бросают. Подло и безжалостно бросают. Они собираются оставить ее на незнакомой улице – ее, дикарку, не знавшую ничего, кроме бескрайних полей и тишины родного холма. Матильда говорила и говорила, глупо смеялась, но Аиша чувствовала, что мать тоже встревожена. Что она просто притворяется. Показались ворота пансиона, и отец остановил машину. На тротуаре мамы держали за руку празднично одетых девочек. Те щеголяли в новых, отлично скроенных платьях скромных расцветок. Эти городские девочки привыкли быть на виду. Матери в шляпках болтали, девочки обнимались. Они расстались, а теперь встретились вновь, подумала Аиша, это продолжение их мира. Аишу била крупная дрожь.

– Не хочу, – закричала она, – я не выйду из машины!

Ее пронзительные крики привлекли внимание родителей и школьниц. Обычно спокойная и стеснительная, Аиша потеряла всякую сдержанность. Свернулась в клубок на заднем сиденье автомобиля, цеплялась за обивку и кричала так, что у кого угодно могло разорваться сердце или лопнуть барабанные перепонки. Матильда открыла дверцу:

– Иди сюда, моя девочка, иди и ничего не бойся.

Мать умоляюще посмотрела на нее, и Аиша вспомнила, что уже не раз видела такой взгляд. Работники так же ласково обращались с животными, перед тем как их убить. «Иди сюда, малыш, иди сюда» – а потом загон, удары, бойня. Амин открыл другую дверцу, и каждый со своей стороны попытался схватить девочку. Отцу удалось вытащить ее, но она с удивительной силой и яростью вцепилась в дверцу.

Быстро собралась плотная толпа зрителей. Все жалели Матильду, которая растит детей дикарями, оттого что вынуждена жить чуть ли не на краю света, среди местного населения. Девочка кричит, впадает в истерику, в точности как обитательницы арабских деревень. «Вы знаете, их женщины, когда хотят выразить отчаяние, расцарапывают в кровь лицо!» Никто из присутствующих не бывал в гостях у четы Бельхадж, но все знали, что представляет собой эта семья, живущая на отдаленной ферме у дороги на Эль-Хаджеб, в двадцати пяти километрах от города. Мекнес – маленький город, и в нем царит такая скука, что эта странная пара неизменно давала пищу для разговоров в часы послеполуденного зноя.

* * *

Во дворце красоты, где дамам завивали волосы и красили лаком ногти на ногах, парикмахер Эжен потешался над Матильдой, высокой блондинкой с зелеными глазами, которая была выше мужа на добрых десять сантиметров. Эжен смешил клиенток, подчеркивая различия супругов: у Амина, говорил он, волосы черные, как уголь, и растут так низко, что взгляд кажется сердитым. А она нервная, как двадцатилетняя девушка, и в то же время в ней есть что-то от мужчины, что-то необузданное, неправильное, из-за чего Эжен решил больше ее не принимать. Парикмахер в самых цветистых выражениях описывал длинные крепкие ноги молодой женщины, ее волевой подбородок, руки, которым она совершенно не уделяет внимания, ее огромные ступни, такие большие и опухшие, что она может носить только мужскую обувь. Белая и темнокожий. Великанша и офицер-коротышка. Клиентки под колпаками-сушилками прыскали со смеху. Но стоило почтенной публике вспомнить о том, что Амин воевал, что он был ранен и награжден, смешки умолкали. Женщины понимали, что лучше им прикусить язычки, и от этого еще больше исходили желчью. Матильда, считали они, – слишком странный военный трофей. Как этот вояка сумел убедить могучую

эльзаску поехать следом за ним в такую глушь? От чего она хотела убежать, когда отправилась сюда?

* * *

Все ринулись к ребенку. Принялись давать советы. Какой-то мужчина грубо отпихнул Матильду и попытался урезонить Аишу. Воздев руки к небесам и упомянув имя Господа, он стал вещать о фундаментальных принципах, лежащих в основе правильного воспитания. Матильду то и дело толкали, а она старалась защитить свое дитя: «Не трогайте ее! Не приближайтесь к моей дочери!» Она вконец растерялась. Для нее было пыткой видеть, как плачет дочь. Она хотела обнять ее, покачать на руках, как младенца, признаться, что солгала. Да, трогательные воспоминания о вечной дружбе, о самоотверженных учителях – она выдумала все это от начала до конца. Правда в том, что ее воспитатели были не такими уж милыми людьми. Что самые яркие воспоминания о школе – это подъем затемно и умывание ледяной водой, дождь как из ведра, ужасная еда, послеполуденные часы, когда живот подводит от голода и страха, от отчаянной жажды хоть малейшего проявления нежности. Поедем домой, хотелось ей закричать. Забудем всю эту историю. Вернемся домой, и все будет прекрасно. Я сама сумею ее обучить, я справлюсь. Амин бросил на нее мрачный взгляд. Матильда балует дочь, осыпает ее дурацкими ласками, и та становится безвольной. К тому же это было ее желание записать Аишу сюда, в школу для французских детей, над которой возвышается церковная колокольня, где читают молитвы чужому богу. Наконец Матильда проглотила слезы и неловко, неуверенно протянула руки к дочери:

– Иди, иди ко мне, моя девочка, моя маленькая.

Поглощенная дочерью, Матильда не замечала, что все смеются над ней. Что люди опустили глаза и разглядывают ее огромные ботинки из потертой кожи. Мамаши перешептывались, прикрывая рот рукой в перчатке. Они смущались и сдавленно хихикали. Стоя у ограды школы Пресвятой Девы Марии, они внезапно вспомнили, что нужно проявлять сострадание, ведь Господь смотрит на них.

Амин крепко держал дочь, обхватив ее поперек туловища. Он был взбешен:

– Что это за цирк? Отпусти дверцу, слышишь? Веди себя прилично. Нам за тебя стыдно.

Платье на Аише задралось до пояса, и стали видны трусики. Школьный сторож с беспокойством наблюдал за ними. Но вмешаться не посмел. Старика марокканца с круглым приветливым лицом звали Браим. Он прикрывал лысую голову белой шапочкой-гафией ажурной вязки. Его слишком просторный темно-синий пиджак был безупречно отутюжен. Родителям не удавалось успокоить дочь, казалось, одержимую демоном. Церемония начала учебного года неминуемо будет сорвана, и директриса разгневается, узнав, что у ворот ее почтенного заведения разыгрался такой спектакль. Она строго с него за это спросит и будет сердиться.

Старый сторож подошел к машине и так нежно, как только мог, принялся разгибать маленькие пальчики, вцепившиеся в дверцу. Сказал по-арабски, обращаясь к Амину:

– Я ее держу, а ты жми на газ и уезжай.

Амин кивнул. Вскинув голову, подбородком указал Матильде на ее место, та села. Он не поблагодарил старика. Как только Аиша ослабила хватку, ее отец рванул с места. Машина скрылась вдали, и Аиша так и не узнала, посмотрела ли на нее мать на прощание. Да, они ее и вправду бросили.

Она очутилась на тротуаре. Ее голубое платье измялось, одна пуговица оторвалась и потерялась. Глаза у нее покраснели от слез, а мужчина, державший ее за руку, не был ее отцом. «Я не могу проводить тебя во двор. Мне положено стоять здесь, у ограды. Это моя работа». Он положил ладонь на спину девочки и подтолкнул ее к входу. Аиша послушно кивнула. Ей было стыдно. Она ведь хотела быть незаметной, как стрекоза, а вместо этого привлекла к себе всеобщее внимание. Она пошла по дорожке, в конце которой ее ждали монахини в длинных черных одеяниях, выстроившиеся у входа в классную комнату.

Она вошла в класс. Ученицы уже расселись по своим местам и, улыбаясь, разглядывали ее. Аиша пережила такой страх, что теперь ей ужасно захотелось спать. В голове у нее нестерпимо шумело. Если бы она сейчас закрыла глаза, то провалилась бы в глубокий сон, она это знала. Одна из сестер взяла ее за плечо. Она держала в руке листок бумаги.

– Как тебя зовут?

Аиша подняла глаза, не понимая, чего от нее хотят. Монахиня была очень молода, и ее красивое бледное лицо понравилось Аише. Сестра повторила вопрос, склонилась к девочке, и та наконец прошептала:

– Меня зовут Мшиша.

Сестра нахмурилась. Поправила сползшие на кончик носа очки и сверилась со списком учениц. «Мадемуазель Бельхадж. Мадемуазель Аиша Бельхадж, дата рождения: 16 ноября 1947 года».

Девочка повернулась. Она огляделась вокруг, словно не понимая, к кому обращается монахиня. Она не знала, кто все эти люди, и с трудом удержалась, чтобы не разрыдаться. У нее задрожал подбородок. Она обхватила себя руками и вонзила ногти в кожу плеч. Что случилось? Что она такого натворила, за что ее здесь заперли? Когда мама вернется? Сестре стоило большого труда поверить в это, но она вынуждена была признать очевидное. Эта девочка не знала, как ее зовут.

– Мадемуазель Бельхадж, сядьте вон там, у окна.

Сколько Аиша себя помнила, она слышала только это имя – Мшиша. Это имя мама выкрикивала с крыльца дома, когда звала дочку ужинать. Это имя передавалось от одного крестьянина к другому, перелетало между стволами деревьев на другую сторону холма, когда девочку искали и в конце концов нашли у подножия дерева: она спала, свернувшись клубочком. «Мшиша» – слышала она, и не могло у нее быть другого имени, потому что именно его приносил ветер, оно смешило берберских женщин, которые нежно обнимали ее, как собственное дитя. Это имя мать тихонько напевала, вставляя его в считалочки, которые сочиняла сама. Звуки этого имени – последнее, что она слышала перед сном, с самого рождения они наполняли ее сны. Мшиша, маленький котенок. Старушка Ито была в доме, когда родилась Аиша, и она первая обратила внимание Матильды на то, что крики младенца похожи на кошачье мяуканье, и дала девочке такое прозвище. Ито научила Матильду привязывать малышку к спине большим куском полотна: «Она будет спать, пока ты работаешь». Матильде это показалось забавным. Так они и проводили все дни напролет. Ротик дочери прижимался к ее затылку целыми днями. И это переполняло ее нежностью.

Аиша села на то место, что указала ей учительница, – у окна, сразу за красоткой Бланш Колиньи. Школьницы скосили на нее глаза, и Аиша почувствовала, что их неожиданное внимание представляет для нее угрозу. Бланш показала ей язык, хихикнула и ткнула свою соседку по парте локтем в живот. Она изобразила, как Аиша чешется: мать шила ей трусы из дешевой колючей шерсти. Аиша отвернулась к окну и спрятала лицо в сгибе локтя. Сестра Мари-Соланж подошла к ней:

– Что случилось, мадемуазель? Вы плачете?

– Нет, я не плачу. Я привыкла спать днем.

* * *

Аиша постоянно несла тяжкий груз стыда. Стыда за свои наряды, сшитые матерью. Серенькие мешковатые одежки, которые Матильда иногда украшала кокетливыми деталями. Цветочками на манжетах, голубой каемкой на вороте. Но ни одна вещь не выглядела новой. Все они были как будто с чужого плеча. Все казались поношенными. Она стыдилась своих волос. Эта бесформенная курчавая масса, не поддававшаяся расческе, вылезавшая из-под любых заколок, которыми Матильда безуспешно пыталась ее усмирить, причиняла Аише самые острые страдания. Матильда не знала, что делать с волосами дочери. Такую гриву невозможно было укротить. Тонкие волосы секлись от заколок, горели под щипцами, не желали расчесываться. Она спросила совета у Муилалы, своей свекрови, но та лишь пожала плечами. В их семействе ни у одной женщины, к счастью, не было такой копны курчавых волос. Аиша унаследовала волосы от отца. Но Амин стриг их очень коротко, по-военному. А оттого, что он ходил в хаммам и поливал голову обжигающе горячей водой, волосяные луковицы атрофировались, и волосы вообще перестали расти.

Из-за прически Аишу осыпали самыми унизительными насмешками. Во дворе все взгляды были прикованы к ней. К ее хрупкой фигурке, личику эльфа и гигантской шевелюре – взрыву светлых непокорных прядей, сиявших на ярком солнце, словно золотой венец. Сколько раз она мечтала о таких волосах, как у Бланш! Стоя перед зеркалом в спальне матери, она прикрывала ладонями свои буйные кудри и представляла себе, как выглядела бы с длинными шелковистыми волосами, как у Бланш. Или с крупными каштановыми завитками, как у Сильви. Или с блестящими косами, как у Николь. Ее дядюшка Омар

поддразнивал ее. Говорил, что ей, скорее всего, трудновато будет найти мужа, потому что она похожа на огородное пугало. Да, на голову Аиши словно водрузили копну сена. Она чувствовала себя смешной в своих убогих нарядах, весь свой облик считала нелепым.

Одна за другой проходили недели, совершенно одинаковые. Каждое утро Аиша просыпалась на рассвете, впотьмах вставала на колени у изножья кровати и просила Господа сделать так, чтобы сегодня они не опоздали в школу. Но всякий раз что-нибудь случалось. То проблема с плитой, из которой шел черный дым. То отец ссорился с матерью. Крики разносились по всему коридору. Наконец появлялась мать, поправляя прическу и платочек на шее. И утирая слезу тыльной стороной ладони. Она пыталась сохранять достоинство, но в итоге теряла самообладание. Разворачивалась в дверях. Кричала, что хочет отсюда уехать, что она совершила самую ужасную ошибку в жизни, что она здесь чужая. Что если бы ее отец знал, он расквасил бы физиономию ее грубияну мужу. Но ее отец ни о чем не знал. Он был далеко. И Матильде приходилось сложить оружие. Она ворчала на дочь, смирно ожидавшую ее у двери. А та хотела сказать: «Ну давай же, поторопись! Могу я хоть раз приехать в школу вовремя?»

Аиша проклинала их машину, выкупленную отцом у американской армии за скромную сумму. Амин попытался соскоблить нарисованный на капоте флаг, но побоялся испортить металл, и на кузове так и осталось несколько облупленных звезд и кусок полосатого поля. Пикап был не только уродлив, но и крайне капризен. Когда стояла жара, из-под капота начинал валить серый дым, и приходилось останавливаться, чтобы остудить мотор. А зимой машина не желала трогаться с места. «Ей надо прогреться», – твердила Матильда. Аиша считала пикап виновником всех своих бед и проклинала Америку, притом что все перед ней благоговели. «Там одни только жулики, недотепы, идиоты безмозглые», – твердила она про себя. Из-за этой старой развалюхи она стала мишенью для насмешек у своих одноклассниц: «Скажи родителям, пусть купят тебе осла! Будешь реже опаздывать!» – и получала замечания от директрисы.

Амин с помощью одного из работников установил в кузове машины маленький стульчик. Аиша усаживалась на него среди сложенных инструментов, ящиков с фруктами и овощами, которые мать отвозила на рынок в Мекнесе. Однажды утром, уже почти задремав, Аиша почувствовала, как что-то зашевелилось у ее тоненькой лодыжки. Она вскрикнула, Матильда резко дернула руль, и машина чуть не свалилась в кювет.

– Там что-то есть, я чувствую, – оправдывалась Аиша.

Матильда не пожелала останавливаться, боясь, что машина потом не заведется.

– Опять твои фантазии! – проворчала она, трогая вспотевшие подмышки.

Когда машина остановилась у школьной ограды и Аиша спрыгнула на тротуар, несколько десятков девочек, столпившихся у ворот, дружно вскрикнули. Они обхватили ноги своих матерей, а некоторые бросились наутек в направлении двора. Одна из них лишилась чувств – или сделала вид. Матильда с Аишей непонимающе переглянулись, потом заметили Браима: тот указывал куда-то пальцем и смеялся.

– Только посмотрите, кого вы с собой привезли! – весело воскликнул он.

Длинный уж выполз из кузова машины и лениво последовал за Аишей, как верный пес за хозяином во время прогулки.

Когда в ноябре наступила зима, по утрам им приходилось выезжать из дому в полной темноте. Держа дочь за руку, Матильда тащила ее по дорожке между заиндевелых миндальных деревьев, Аиша дрожала от холода. В серой рассветной мгле слышалось только их собственное дыхание. Ни шума животных, ни голосов людей – ничто не нарушало тишину. Они садились в отсыревшую машину, Матильда включала зажигание, мотор чихал. «Это ерунда, ему нужно прогреться», – заявляла Матильда. Насквозь промерзшая машина натужно кашляла, как туберкулезник. Порой Аишу охватывала ярость. Она плакала, пинала колеса пикапа, проклинала ферму, родителей, школу. И получала пощечину. Матильда выходила из машины и толкала ее вниз по склону до широких ворот в дальнем конце сада. В середине лба у нее вздувалась вена. Лицо становилось лиловым, Аишу это пугало и приводило в трепет. Машина заводилась, но впереди их ждал довольно крутой подъем, и зачастую мотор глох.

Однажды утром, хотя Матильда уже измучилась, а ей еще предстояло, сгорая со стыда, звонить в закрытые ворота школы, она вдруг весело рассмеялась. Случилось это холодным, но солнечным декабрьским утром. Погода стояла такая ясная, что можно было разглядеть Атласские горы, напоминавшие акварель, подвешенную в небесах. Матильда проговорила громким дикторским голосом:

– Уважаемые пассажиры, пристегните ремни! Мы готовимся к взлету!

Аиша прыснула со смеху и сильнее вжалась в спинку сиденья. Матильда изобразила громкий рев двигателей, и Аиша ухватилась за дверцу, готовясь отправиться в полет. Матильда повернула ключ в замке зажигания, нажала на педаль газа, и мотор заурчал, потом издал астматический хрип. Матильда развела руками:

– Уважаемые пассажиры, мы просим извинения, но двигатели оказались недостаточно мощными, а крылья требуют небольшого ремонта. Сегодня наш рейс отменяется, вам придется добираться в пункт назначения на автомобиле. Но вы можете рассчитывать на вашего опытного пилота: обещаем, через несколько дней наш полет состоится!

Аиша прекрасно знала, что машина не может летать, и тем не менее много лет подряд при каждом приближении к крутому подъему дороги у нее бешено колотилось сердце, и она думала: «А что, если сегодня?» Хотя нечто подобное представлялось крайне маловероятным, Аиша все же подсознательно надеялась, что пикап, распоров облака, унесет их в новые места, где они будут хохотать как ненормальные, смогут по-иному взглянуть на свой холм, отрезанный от всего мира.

* * *

Аиша ненавидела их дом. Она унаследовала чувствительность матери, и Амин сделал вывод, что все женщины одинаковы – пугливы и впечатлительны. Аиша боялась всего. Совы, жившей в кроне дерева авокадо и предвещавшей, по словам работников, чью-то скорую смерть. Шакалов, чей заунывный вой не давал ей спать, бродячих собак с торчащими ребрами и воспаленными сосками. Отец предупредил ее: «Когда идешь гулять, бери с собой камни». Она сомневалась, что сумеет защитить себя, отбиться от этих свирепых животных. Тем не менее исправно наполняла карманы камнями, которые при каждом ее шаге громко стукались друг о друга.

Больше всего Аиша боялась темноты. Густой, бесконечной, непроглядной тьмы, окружавшей ферму ее родителей. По вечерам, когда мать забирала ее из школы и выезжала на сельскую дорогу, огни города удалялись, и их двоих поглощал

непроницаемый опасный мир. Машина въезжала в непроглядный мрак, словно они углублялись в пещеру или тонули в зыбучих песках. В безлунные ночи неразличимы были даже могучие силуэты кипарисов и очертания стогов сена. Мгла стирала все. Аиша задерживала дыхание. Она читала «Отче наш» и «Аве Мария». Думала об Иисусе, прошедшем через ужасные страдания, и повторяла: «Я бы так не смогла».

В доме горел унылый и слабый мигающий свет, и Аиша постоянно боялась, что отключится электричество. Ей нередко случалось идти по коридору вслепую, ощупывая ладонями стены, обливаясь слезами и крича: «Мама! Ты где?» Матильда тоже мечтала о ярком свете и пилила мужа. Как Аише делать уроки? Она портит себе глаза над тетрадками! Как Селиму бегать и играть? Он постоянно трясется от страха! Амин решился на покупку генератора, чтобы заряжать аккумуляторы, а также качать воду для скота и полива посевов в дальнем конце фермы. Пока его не было дома, аккумуляторы довольно скоро разряжались, и свет ламп зловеще тускнел. Тогда Матильда зажигала свечи и делала вид, будто такое освещение кажется ей красивым и романтичным. Она рассказывала Аише истории о герцогах и маркизах, о великолепных дворцах и балах. Она смеялась, но на самом деле вспоминала о войне, о затемнении, о том, как проклинала свой народ, проклинала свою жизнь, полную лишений, семнадцать лет, прошедшие впустую. Дом на холме отапливали углем, на нем же готовили еду, и от этого одежда Аиши пропиталась запахом сажи, вызывавшим у нее приступы тошноты, а у ее одноклассниц – приступы веселья. «Аиша пахнет копченым мясом! – кричали школьницы во дворе. – Аиша живет как горцы в своих домишках».

В западном крыле дома Амин устроил себе кабинет. Он назвал его своей лабораторией и прикрепил к стенам картинки, названия которых Аиша знала наизусть. «О выращивании цитрусовых», «Обрезка виноградной лозы», «Ботанический практикум по земледелию в тропическом климате». Смысла этих черно-белых иллюстраций она не понимала и считала, что ее отец – своего рода волшебник, способный влиять на законы природы, разговаривать с растениями и животными. Однажды, когда она ночью закричала, испугавшись темноты, Амин поднял ее, посадил себе на плечи, они вышли в сад. Ей даже не видны были носки его ботинок, такая стояла тьма. Холодный ветер задирал подол ее ночной рубашки. Амин достал из кармана какой-то предмет и протянул его Аише:

– Это карманный фонарик. Посвети им вверх и попытайся попасть лучом в глаза птицам. Если сумеешь, они так напугаются, что замрут в воздухе, и ты сможешь

поймать их рукой.

В другой раз он пригласил дочку пойти с ним в примыкающий к дому декоративный садик, который разбил для Матильды. Там росли молодая сирень, куст рододендрона и жакаранда, которая еще ни разу не цвела. Под окном гостиной раскинулось дерево с корявыми ветками, сгибавшимися под тяжестью апельсинов. В руке с черными полосками земли под ногтями Амин держал ветку лимона, он вытянул палец и показал Аише две сформировавшиеся на ней почки. Острым ножом сделал глубокую насечку на стволе апельсинового дерева.

– А вот теперь смотри внимательно, – произнес он и осторожно вставил косо срезанный конец ветки лимона в щель на стволе апельсина. – Сейчас скажу работнику, чтобы замазал разрез смолой и обвязал веревкой. Тебе останется только выбрать имя этому странному дереву.

* * *

Сестра Мари-Соланж любила Аишу. Она была очарована этим ребенком, на которого втайне возлагала честолюбивые надежды. Малышка была склонна к мистике, и если директриса видела в этом первые признаки истерии, то сестра Мари-Соланж, напротив, определяла божественное призвание. Каждое утро перед уроками ученицы отправлялись в часовню, к которой вела посыпанная гравием дорожка. Аиша часто опаздывала, но стоило ей войти в ворота школы, и она уже не отрывала взгляда от дома Божьего. Она шла туда с такой целеустремленностью и решительностью, что это казалось странным, особенно в ее возрасте. Порой, не дойдя нескольких метров до порога часовни, она становилась на колени и с безмятежным лицом двигалась вперед, скрестив руки на груди и обдирая кожу об острые камни. Когда она попадалась на глаза директрисе, та рывком поднимала ее:

– Мадемуазель, мне не по вкусу ваше показное благочестие. Господь умеет распознавать искренность.

Аиша любила Господа и сказала об этом сестре Мари-Соланж. Она любила Иисуса Христа, который встречал ее, нагой, когда она выходила в ледяное утро. Ей сказали, что страдание приближает человека к небесам. Она поверила.

Однажды утром в конце мессы Аиша упала в обморок. Она не смогла произнести последние слова молитвы. Она дрожала от холода, стоя в стылой часовне в поношенном свитере на костлявых плечах. Ее не согрели ни пение, ни запах ладана, ни звучный голос сестры Мари-Соланж. Ее лицо побелело, глаза закатились, и она упала на каменный пол. Сестре Мари-Соланж пришлось нести ее на руках. Эта сцена привела школьниц в раздражение. Они говорили, что Аиша притвора, что она фальшивая святая, а в будущем станет бесноватой прорицательницей.

Ее уложили в маленькой комнатке, служившей медицинским пунктом. Сестра Мари-Соланж поцеловала ее в щеки и в лоб. По правде говоря, здоровье малышки ее не беспокоило. Этот обморок означал, что между тщедушным тельцем девочки и телом Христа установился диалог, ни смысла, ни красоты которого Аиша пока не осознавала. Девочка шумно выхлебала теплую воду, а сахар, который сестра велела ей пососать, оттолкнула. Она заявила, что не заслуживает такого лакомства. Сестра Мари-Соланж настояла на своем, Аиша высунула острый язычок, потом с хрустом разгрызла сахар.

Она попросила разрешения вернуться в класс. Сказала, что ей уже лучше, что она не хочет пропускать занятия. Вошла и села за свою парту, позади Бланш Колиньи, и утро прошло тихо и мирно. Аиша не отрываясь смотрела в затылок Бланш, на ее розовую пухлую шею, покрытую легким светлым пушком. Бланш высоко зачесывала волосы и собирала их в пучок на макушке, как у балерины. Каждый день Аиша часами созерцала эту шею. Она знала ее в мельчайших подробностях. Она знала, что, когда Бланш наклоняется к тетрадке, чуть выше плеч у нее образуется маленькая складочка. В сентябре, когда стояла удушающая жара, кожа Бланш покрылась красными зудящими пятнышками. Аиша наблюдала, как ее соседка в кровь расчесывала кожу испачканными в чернилах пальцами. Капельки пота стекали от корней волос вниз, на спину, воротнички платьев намокали и приобретали желтоватый оттенок. В классной комнате нечем было дышать, шея Бланш изгибалась, как у гуся, по мере того как внимание девочки рассеивалось, ее одолевала усталость, и случалось, среди дня она засыпала. Аиша никогда не притрагивалась к своей однокласснице. Иногда ей хотелось протянуть руку, ощупать кончиками пальцев выпуклые позвонки, погладить выбившиеся из прически белобрысые прядки, мягкие, как цыплячий пух. Если бы она не держала себя в руках, то уткнулась бы носом в эту шею и вдохнула ее запах, но еще больше ей хотелось бы попробовать ее на вкус, лизнув кончиком языка.

В тот день Аиша заметила, как по затылку Бланш пробежала легкая дрожь. Белый пушок встал дыбом, как у кошки, готовой к драке. Аиша гадала, что было причиной такого волнения. Или это просто свежий ветерок ворвался в окно, открытое сестрой Мари-Соланж? Аиша уже не слышала ни голоса учительницы, ни скрипа мела по доске. Этот затылок вызывал у нее помрачение рассудка. И она не удержалась. Схватила циркуль и проворно вонзила иглу в шею Бланш. Тут же ее выдернула и, зажав большим и указательным пальцами, стерла капельку крови.

Бланш громко вскрикнула. Сестра Мари-Соланж резко обернулась и чуть не свалилась с кафедры:

– Мадемуазель Колиньи! Что на вас нашло? Почему вы кричите?

Бланш набросилась на Аишу. Изо всех сил вцепилась ей в волосы. Ее перекосило от ярости.

– Эта ведьма ущипнула меня за шею!

Аиша и пальцем не пошевелила. Когда Бланш налетела на нее, она опустила глаза, сжалась в комок и не произнесла ни слова. Сестра Мари-Соланж схватила Бланш за руку. И с поразившей учениц грубостью потащила к своему столу.

– Как вы смеете обвинять мадемуазель Бельхадж? Кто мог бы вообразить, что Аиша на такое способна? Я подозреваю, что за всем этим кроются какие-то недостойные чувства.

– Но я вам клянусь! – вскричала Бланш, ощупывая затылок и шею и осматривая ладонь в надежде обнаружить доказательства нападения. Но крови не было, и сестра Мари-Соланж велела ей несколько раз написать красивым почерком: «Никогда не буду обвинять своих школьных друзей в вымышленных проступках».

На перемене Бланш бросала на Аишу злобные взгляды. Казалось, она говорит: «Ничего-ничего, ты у меня дождешься!» Аиша сожалела, что укол циркулем не принес ожидаемого результата. Она надеялась, что тело соседки сдуется, как шарик, который проткнули булавкой, что оно превратится в вялую безобидную оболочку. Но Бланш осталась жива и невредима, она прыгала посреди двора,

смешила подружек. Прислонившись спиной к стене и повернувшись лицом к солнцу, которое согревало и успокаивало ее, Аиша наблюдала за девочками, игравшими в огороженном дворике, где росли платаны. Марокканки, сложив ладони трубочкой и прикрыв ими рот, шепотом делились друг с другом своими секретами. Аиша считала, что они очень красивы, длинные темные волосы, заплетенные в косы, поддерживал тоненький белый ободок надо лбом. Большинство из них жили в интернате и ночевали на территории школы. По пятницам они уезжали домой, к родным, в Касабланку, Фес или Рабат – в города, где Аиша никогда не бывала и которые представлялись ей такими же далекими, как Эльзас, родной край ее матери Матильды. Ведь Аиша не была в полной мере ни арабкой, ни европейской девочкой, как дочери землевладельцев, авантюристов, чиновников колониальной администрации, играющие в классики, крепко сжав коленки. Она не знала, кто она такая, а потому стояла одна, прислонившись к нагретой солнцем стене школьного здания. «Как долго! Как же долго! Когда я снова увижу маму?»

Вечером ученицы с криками помчались к школьной ограде. Начинались рождественские каникулы. Гравий хрустел под лакированными ботинками девочек, их замшевые пальто покрывались белыми пушинками. Шумный возбужденный рой школьниц чуть не сбил Аишу с ног. Она прошла за ограду и остановилась на тротуаре. Матильда не приехала. Аиша смотрела, как ее однокашницы, уходя, прижимаются к матерям и трутся о них, как кошки. Перед школой припарковался огромный американский автомобиль, из него вышел мужчина в красной феске. Обошел машину и стал искать взглядом маленькую девчушку. Заметив ее, почтительно приложил руку к сердцу и прижал подбородок к груди. «Lalla[8 - Почтительное обращение к женщине.] Фатима!» – приветствовал он направлявшуюся к нему школьницу, и Аиша удивилась, почему с этой малышкой, которая засыпала на уроках, уронив голову на тетрадь и пачкая слюнями страницы, обращались как с важной дамой. Фатима исчезла в чреве огромной машины, девочки помахали ей, крикнув: «Хороших каникул!» Потом щебет стих, детвора разошлась, и городская жизнь потекла своим чередом. На пустыре за школой подростки играли в мяч, до Аиши долетали испанские и французские ругательства. Прохожие, украдкой взглянув на нее, поднимали глаза, словно ища объяснение, почему эта девчушка, не похожая на нищенку, стоит здесь в одиночестве, как будто все о ней забыли. Аиша отводила глаза, ей не хотелось, чтобы ее жалели, а тем более утешали.

Стало совсем темно, и Аиша крепко прижалась к школьной ограде, желая исчезнуть, испариться, превратиться в дуновение ветра, призрак, облачко пара. Время текло так медленно! Ей казалось, что она стоит здесь уже целую

вечность: плечи и лодыжки у нее заледенели, она мысленно звала мать, которая все никак не ехала. Она потерла ладонями плечи, попрыгала с ножки на ножку, чтобы не замерзнуть окончательно. Ее одноклассницы, подумала она, полдничают сейчас на кухне, уплетая горячие блинчики с медом. Аиша представляла себе, как кто-то из них делает уроки, сидя за столом из красного дерева в комнате, заваленной игрушками. Загудели автомобильные клаксоны, люди стали выходить из контор, и Аиша то и дело вздрагивала от слепящего света фар. Город заплясал в лихорадочном ритме, который задавали мужчины в шляпах и плащах. Они уверенным шагом входили в теплые жилища, радостно предвкушая вечер и ночь, когда они будут пить и спать. Аиша принялась вертеться волчком, словно обезумевшая механическая кукла, и молиться Иисусу Христу и Деве Марии, стиснув руки так, что они побелели. Браим не сказал ей ни слова, потому что директриса запретила ему разговаривать с ученицами. Но он протянул девочке руку, и она сжала его ладонь. Стоя у ограды, они вдвоем не отрываясь смотрели на перекресток, откуда наконец должна была появиться Матильда.

Она выскочила из старой развалюхи и обняла свое дитя. На арабском с заметным эльзасским акцентом поблагодарила Браима. Ощупала карман грязной куртки, наверное, ища монету, чтобы дать ее сторожу, но не нашла и покраснела. В машине Аиша не отвечала на вопросы Матильды. Не рассказала о том, как ненавидят ее Бланш и другие одноклассницы. Тремя месяцами раньше Аиша плакала, выйдя из школы, оттого что ее одноклассница отказалась дать ей руку. Родители тогда сказали, что это не имеет значения, что на это не надо обращать внимания, их равнодушие задело Аишу. Но той ночью она никак не могла уснуть от огорчения и услышала, как ссорятся родители. Амин ругал эту христианскую школу, где его дочь чувствует себя чужой. Матильда, всхлипывая, проклинала их замкнутый образ жизни. С тех пор Аиша решила ничего им не рассказывать. С отцом не говорила об Иисусе. Она хранила в секрете свою любовь к человеку с обнаженными ногами, дававшему ей силу обуздывать свой гнев. Матери не признавалась в том, что целый день ничего не ест, после того как в школьном буфете обнаружила зуб в тарелке рагу из стручковой фасоли с бараниной. Это был не белый остренький молочный зуб, как тот, что у нее выпал минувшим летом, и в обмен на него маленькая мышка принесла ей конфету с пралине. Нет, это был черный зуб с дуплом, зуб старика, сам собой вывалившийся, как будто державшая его десна начала разлагаться. Всякий раз, когда Аиша думала об этом, ее начинало тошнить.

* * *

В сентябре, когда Аиша пошла в школу, Амин решил приобрести зерноуборочный комбайн. Он так потратился на ферму, на детей, на обстановку для дома, что ему едва хватило средств на услуги плутоватого торговца металлоломом, и тот посулил ему потрясающую машину прямиком с американского завода. Амин прервал поток его красноречия, резко отмахнувшись. Он не желал слушать словесные излияния пройдохи, к тому же мог себе позволить только этот и никакой другой агрегат. Целыми днями Амин работал на комбайне, не доверяя его никому. «Они его сломают», – объяснял он Матильде, обеспокоенной тем, что муж до крайности исхудал. Его лицо осунулось от усталости и жары, кожа стала почти черной, как у африканских стрелков. Он работал без продыху, следил за каждым движением работников. До темноты наблюдал за загрузкой мешков, и случалось, засыпал прямо за рулем автомобиля, слишком утомившись, чтобы добраться до дома.

Несколько месяцев Амин не спал в супружеской постели. Ел на кухне стоя и пытался разговаривать с Матильдой, но сыпал словами, которых она не понимала. Вид у него был совершенно безумный, он смотрел на нее выпученными, красными от кровяной сетки глазами. Вероятно, он хотел что-то ей объяснить, но вместо этого только резко взмахивал рукой, словно бросая мяч или замахиваясь на кого-то ножом. Он не решался ни с кем поделиться своими тревогами, и оттого они мучили его еще больше. Если бы он признал свое поражение, это его убило бы. Дело было не в технике, не в климате и даже не в невежестве его работников. Его отец совершил ошибку, и эта мысль терзала Амина. Эта земля ни на что не годилась. Плодородным был только тонюсенький слой почвы, а под ним залегал туф, серая и пустая горная порода, и об этот туф раз за разом разбивались его амбиции.

Иногда он чувствовал себя до такой степени раздавленным усталостью и заботами, что ему хотелось лечь на землю, свернуться калачиком и проспать несколько недель кряду. Он готов был расплакаться, как перевозбужденный, утомленный играми ребенок, ему казалось, что слезы ослабят тиски, сдавившие ему грудь. Солнце и бессонница уже почти свели его с ума. Его душа пребывала во власти мрака, в котором смешались воспоминания о войне и картины надвигающейся нищеты. Амин помнил времена великого голода. Ему было лет десять – двенадцать, когда с юга в их край потянулись целые семьи вместе с домашним скотом, все тощие, истощенные до такой степени, что не могли даже говорить. Головы у этих людей были изъедены паршой, они шли в большие города – может, там услышат их немую мольбу – и хоронили детей на обочинах дорог. Амину казалось, что весь мир страдает, что толпы голодающих до сих пор

идут за ним по пятам и сам он скоро к ним присоединится. Этот кошмар постоянно преследовал его.

* * *

Тем не менее Амин не сдавался. Под влиянием одной статьи он решил заняться разведением коров. Однажды, когда Матильда ехала из школы, она заметила Амина на обочине, в двух километрах от фермы. Он шел рядом с тощим мужчиной в грязной джеллабе и грубых сандалиях, в кровь натиравших ноги. Амин улыбался, а мужчина хлопал его по плечу. Со стороны они выглядели как старые знакомые. Матильда остановила машину. Вышла, разгладила ладонями юбку и направилась к ним. Амин, казалось, смутился, но представил их друг другу. Мужчину звали Бушаиб, и Амин только что заключил с ним сделку, которой очень гордился. На те небольшие средства, что у них еще остались, он намеревался приобрести четыре-пять быков, которых Бушаиб отгонит на пастбища в Атласские горы, чтобы хорошенько там откормить. Потом они продадут быков, а выручку поделят.

Матильда пристально разглядывала Бушаиба. Ей не понравился его сдавленный смех, напоминающий приступы кашля, когда у человека першит в горле. Его манера тереть лицо длинными грязными пальцами произвела на нее ужасное впечатление. Ни разу он не посмотрел ей прямо в глаза, но она знала, что дело тут не в том, что она женщина, и не в том, что она иностранка. Матильда не сомневалась, что этот человек собирается их обмануть. В тот же вечер она сказала об этом Амину. Подождала, пока дети уснут и муж откинется на спинку кресла. Она попыталась уговорить его не связываться с этим типом. Ей было немного стыдно за свои шаткие доводы, стыдно говорить об интуиции, дурных предчувствиях, отталкивающем облике крестьянина. Амин вспылил:

– Ты так говоришь, потому что кожа у него темная, потому что он деревенщина, живет в горах и не умеет вести себя, как горожанин! Ты ничего не знаешь об этих людях. Тебе их не понять.

На следующий день Амин и Бушаиб отправились на скотный рынок. Он располагался у одной из дорог, между развалинами стены, когда-то защищавшей город от набегов кочевых племен, и деревьями, под которыми горцы расстелили свои ковры. Стояла убийственная жара, Амина мутило от густого запаха скота, испражнений животных и людского пота. Несколько раз он

прикрывал нос рукавом, боясь, что его стошнит или ему станет плохо. Худые покорные создания стояли, склонив головы к земле. Казалось, ослы и козы прекрасно понимают, что никому нет дела до того, что они чувствуют. Они равнодушно жевали редкие стебли одуванчиков, пожелтевшую траву, пучки дикой мальвы. Они спокойно и смиренно ожидали, когда перейдут от одного мучителя к другому. Крестьяне суетились. Они выкликали вес, цену, возраст животных, сообщали, к чему оно пригодно. В этом бесплодном засушливом крае каждый бился за право сеять, собирать урожай, разводить скот. Амин перешагнул через валявшиеся на земле большие мешки с джутом, стараясь не наступить на лепешки навоза, подсыхавшие на солнце, и направился прямиком к западной части рынка, где размещалось стадо быков.

Он поздоровался с хозяином, лысым стариком в белой чалме, и почти сразу – по мнению Бушаиба, слишком нелюбезно – оборвал его витиеватые пожелания удачи и благополучия. Амин по-ученому заговорил о животных. Стал задавать слишком сложные для старика вопросы. Он хотел ясно и определенно дать понять, что они люди не одного круга. Крестьянин обиделся и принялся жевать стебелек желтого колокольчика, так же громко шлепая губами, как быки, которых он продавал. Бушаиб взял дело в свои руки. Он совал пальцы в ноздри животных, обеими руками ощупывал круп. Похлопывая хозяина по плечу, расспрашивал о количестве спермы и навоза, нахваливал ухоженный вид скота. Амин отступил на несколько шагов, ему стоило большого труда скрывать гнев и нетерпение. Торг длился не один час. Бушаиб с крестьянином говорили ни о чем. Назначали сумму, приходили к соглашению, потом передумывали, тогда Бушаиб угрожал уйти, и они надолго замолкали. Амин прекрасно знал, что здесь дела так и делаются, это что-то вроде игры или ритуала, однако он несколько раз едва не закричал, чтобы положить конец этой дурацкой церемонии. День склонялся к закату. Солнце постепенно исчезало за зубцами Атласского хребта, по рынку стал гулять холодный ветер. Они ударили по рукам с хозяином, тот передал им с рук на руки четырех отменно здоровых быков.

Собираясь расстаться со своим партнером и отправиться к себе в горную деревушку, Бушаиб сделался обходительным. Отметил умение Амина достойно держаться и вести переговоры. Произнес длинную речь о честности горных племен, о том, как твердо они держат данное слово. Нелестно отозвался о французах, этих придирах, вечно всех во всем подозревающих. Амин подумал о Матильде и согласно кивнул. За этот долгий день он совершенно вымотался и мечтал только о том, чтобы поскорее вернуться домой и побыть с детьми.

Следующие несколько недель Бушаиб регулярно отправлял на ферму гонца. Юного пастуха с чесоточными пятнами и гноящимися глазами, к которым липли мухи. Подросток, судя по всему, ни разу в жизни не евший досыта, в поэтических выражениях рассказывал о быках Амина. Он говорил, что там, наверху, трава свежа и сочна и что быки жиреют на глазах. По мере того как он это рассказывал, лицо Амина светлело, и мальчик был счастлив, что приносит радость в дом. Он приходил раза два-три и с наслаждением пил чай, куда, по его просьбе, Матильда клала три ложки сахара.

Потом мальчик перестал приходить. Минуло две недели, и Амин забеспокоился. Когда Матильда задала ему вопрос о быках, он вспылил:

– Я тебе уже сказал: не вмешивайся! Здесь обычно все так и делается. Надеюсь, ты не собираешься учить меня, как управлять фермой?

Однако его терзали сомнения. Он перестал спать по ночам. Вконец измучившись, сходя с ума от беспокойства, он послал одного из работников узнать, что происходит, но тот вернулся несолоно хлебавши. Он не нашел Бушаиба: «Горы велики, господин Бельхадж. Никто он нем не слышал».

Однажды вечером Бушаиб пришел сам. Он появился у ворот фермы с перекошенным лицом и воспаленными глазами. Заметив приближающегося Амина, стал колотить себя руками по макушке и расцарапал себе щеки, воя, как загнанный зверь. Крестьянин никак не мог отдышаться, и Амин не понимал, что тот пытается ему сказать. Бушаиб повторял одно слово: «Воры! Воры!» – и в его глазах стоял ужас. Он поведал, что ночью налетела банда вооруженных мужчин. Они связали пастухов, стерегших стадо, избили их и на грузовике увезли весь скот.

– Пастухи ничего не могли сделать. Они люди храбрые, трудолюбивые, но что они могут против парней с оружием и грузовиком? – проговорил Бушаиб и рухнул в кресло. Положил руки на колени и расплакался, как ребенок. Заявил, что теперь всю жизнь будет помнить это унижение, что никогда не оправится от позора. Отхлебнул чаю, в который бросил пять кусков сахара, и добавил: – Какое страшное несчастье для нас обоих!

– Мы пойдем к жандармам! – заявил Амин, стоя напротив Бушаиба.

– К жандармам? – Бушаиб снова зарыдал. Он в отчаянии замотал головой. – Жандармы ничем не помогут. Эти воры, дьяволы, сучьи дети, уже далеко. Разве кто-то сможет отыскать их следы?

Он долго жаловался на тяжелую судьбу горцев, чья жизнь проходит вдали от всего мира и отдана на милость своенравной природы и жестоких разбойников. Он оплакивал свою судьбу, горько сетуя на засуху, болезни, женщин, которые умирают в родах, продажных чиновников. Он еще всхлипывал, когда Амин дернул его за руку и произнес:

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Мелла – название еврейских кварталов в марокканских городах. Меллы впервые появились в XV веке и обычно располагались поблизости от резиденций правителей. (Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, прим. перев.)

2

Себси – тонкая марокканская трубка для курения гашиша.

3

Хайк – традиционное женское одеяние в странах Магриба, закрывающее голову и тело целиком; прямоугольный кусок ткани размером 6???2,2 м, который драпируется и закрепляется на талии поясом, а на плечах – пряжками.

4

«Чтоб Господь наслал на тебя тиф!» (Здесь и далее арабские слова и выражения автор передает латиницей и предлагает свой перевод.)

5

«Рожки газели» – традиционное марокканское печенье из тонкого хрустящего теста с миндальной начинкой.

6

Ид-аль-Кабир (чаще Ид-аль-Адха) – мусульманский праздник, тюркское название которого Курбан-байрам.

7

«Счастливая долина» (La Vallee Heureuse) – обширный ландшафтный парк с водопадами и прудами, виноградниками, плантациями оливковых деревьев, коллекцией экзотических растений и разнообразными архитектурными

объектами, созданный в годы Первой мировой войны архитектором и ботаником Эмилем Паньоном. Он располагался в нескольких километрах от Мекнеса и был популярным местом отдыха и туризма. Ныне заброшен и пришел в упадок.

8

Почтительное обращение к женщине.

Купить: https://tellnovel.com/slimani_leyla/rozhdestvo-pod-kiparisami

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити